

Екатерина Мендоса

Четыре на каждом углу

«Автор»

2026

Мендоса Е.

Четыре на каждом углу / Е. Мендоса — «Автор», 2026

Это роман не про нулевые. Не про взросление. Не про первую привязанность. Не про последствия выбора. Это роман о том, как некоторые чувства остаются с нами навсегда. Не потому, что они были самыми глубокими или самыми первыми. А потому, что именно они сделали нас теми, кем мы стали. Одними из них мы дорожим и с радостью делимся с близкими. Других стыдится настолько, что пытаемся забыть. Но и те, и другие уже стали частью нас самих. Роман основан на реальных событиях. Имена персонажей, обстоятельства и отдельные эпизоды изменены в художественных целях.

© Мендоса Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Геометрия дворового поля (лето 2000-го)	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	38

Екатерина Мендоса

Четыре на каждом углу

Глава 1: Геометрия дворового поля (лето 2000-го)

Июнь 2000 года расплавил асфальт областного города Р*****. Воздух в замкнутом периметре четырех пятиэтажек — двух кирпичных, хранивших прохладу, и двух панельных, выгоревших под солнцем до цвета грязного мела — стоял неподвижно, пропитанный запахом разогретого гудрона, пыли и цветущих каштанов. Каждая пятиэтажка тянулась на шесть подъездов, отчего сам двор казался огромным, почти бесконечным государством со своими границами. Его по диагонали разрезали вытоптанные тропинки, сходящиеся ровно по центру, на пятачке, который гордо именовался «футбольным полем».

Катя знала этот мир наизусть, поделенный на четыре четких угла. В первом углу дожидала свой век покосившаяся карусель, чьи сиденья давно служили лавками, и железная горка с таким отвесным углом спуска, что приземление всегда больно отзывалось в копчике. Во втором углу глухо высилась кирпичная трансформаторная будка без окон. Её железные двери с выцветшей дугой «Не влезай — убьет!» манили и пугали одновременно: вокруг нее самозабвенно носились в «московские прятки», но внутрь за все детство так никто и не рискнул заглянуть. Третий угол занимала песочница — полигон, где строились подземные гаражи для дефицитных машинок. В четвертом углу блестела трубами шведская стенка с хитрой конструкцией для качания пресса.

Центр двора условно делил пополам идеально ровный ряд акаций, посаженных словно по линейке. С одной стороны от них пахла ржавчиной мусорные баки, а с другой — высился легендарный коричневый турник с облупившейся краской, на котором выбивали ковры, а пацаны использовали его в качестве футбольных ворот. С противоположной стороны воротами служили два старых, толстых каштана, чьи нижние ветки были так удобно опущены к земле, что на них проходила половина жизни мальчишек. Из их зеленых колючих плодов, если долго тереть их об асфальт до белой мембраны, получались идеальные «плюшевые» мячи. Рядом тянулись к небу два огромных тополя. Из-за них июнь гарантированно превращал двор в филиал зимы: пух забивался в углы бордюров белыми коврами, и его почему-то было невозможно не поджечь. Между подъездами цвели палисадники. Едва распускались лилии, сирень и жасмин, дети открывали на них охоту, а соседки — на детей.

В этой пацанской вселенной Катя была одна. Единственная девчонка её возраста из соседнего подъезда носа на улицу не казала, поэтому приходилось играть по мужским правилам. Они были вместе с пеленок. Антон жил в первом подъезде, Витька — прямо над Катей, на четвертом этаже, Денис — на пятом, а Макс — в первом подъезде соседнего дома. Противоположный край дома когда-то казался далекой чужбиной, но теперь вся география была освоена, и в этот душный полдень их привычный мир стянулся к коричневому турнику.

Катя никогда в жизни не играла в дочки-матери. Куклы у неё, конечно, были, но она совершенно не знала, что с ними делать — они ведь не двигались, возня с переодеванием казалась лишённой смысла. Единственным чисто девчачьим занятием, которое она разделяла со сверстницами в школе, были прыжки «в резинку». Одноклассницы охотно принимали её в игру, ведь Катя умела чётко следовать правилам и брать сложные уровни, но близкой дружбы ни с кем из них она так и не завела — школа оставалась просто транзитной зоной. Когда она спустя годы будет говорить, что росла пацанкой, ей мало кто поверит — мало ли девчонок лазило по деревьям? Но у кого из этих «пацанок» была личная, собранная поштучно коллекция

вкладышей от жвачки «Турбо»? И кто из них мог на лавочке с железными аргументами в руках доказать, кто сильнее — Ван Дамм с его вертушками или массивный Сталлоне?

Её настоящей стихией были «казаки-разбойники», «ножички» на расчерченном в пыли круге, «выбивало» и шалаши из веток у трансформаторной будки. Она умела печь в золе чёрную, обжигающую пальцы картошку, знала, в какой момент нужно срывать с забора детского сада с полными карманами ворованных кислых яблок, чтобы не поймал сторож, и как незаметно просушить на летнем ветру мокрую до самых пят косу — волосы у Кати были ниже спины, и тайные заплывы на соседнем озере всегда грозили обернуться домашним трибуналом.

Но к этому лету пацанское детство кончилось. Катя интуитивно чувствовала, что друзья начали относиться к ней иначе. Видимо, они только сейчас заметили, что она была не совсем мальчишкой, самой же Кате меньше всего на свете хотелось этих перемен. Ей отчаянно хотелось подольше удержать их привычный, безопасный мир, доказать и им, и самой себе, что правила прежние, что она всё ещё «свой пацан». Время ломало границы: ленивые игры на асфальте всё чаще сменялись долгими, странными разговорами. Пацаны выросли и внезапно обнаружили, что рядом с ними есть девчонка, которая не станет жеманничать, а ответит на любые вопросы напрямую. Катя была их проводником на чужую территорию. Она без утайки, со своей привычной логикой, проинформировала их про месячные, а они взамен делились своими первыми мужскими секретами. Буквально на днях Витька со свойственной ему дурашливостью заставил Катю оценивать его вид сзади, принимая нелепые позы под козырьком подъезда. От него она с удивлением узнала уличную хитрость: оказывается, парни держат руки в карманах брюк исключительно для того, чтобы натянуть ткань и казаться сзади подтянутее.

На этом зыбком, честном уровне абсолютного доверия и держалась их дворовая дружба. Но отношения, продолжавшиеся всю жизнь, не могли измениться в одночасье.

Именно поэтому сегодня она без колебаний согласилась на игру в «петуха». И в этот жаркий полдень пять ребят кружили вокруг потрепанного мяча.

Антон, тот, что вел себя как главный, красовался в широких черных спортивных штанах с ядовито-зелеными лампасами и кнопками вдоль штанин — он нарочито расстегнул одну, чтобы продемонстрировать мнимую небрежность. На правах самого старшего — хотя разница с Катей составляла смешные полгода: она апрельская, он октябрьский — Антон всегда задавал тон. Дружба с ним вообще была исторически неизбежной: его отец когда-то учился в одном классе с Катиной мамой. Сейчас Антон пасовал то одному, то другому, лениво, вразвалочку, с тем выражением снисходительного превосходства, которое выдавало в нем лидера компании.

Глядя на его уверенную улыбку, Катя вдруг вспомнила их весенний спор. Отец тогда ради шутки предложил ей попробовать раздавить обычное куриное яйцо, крепко зажав его в кулаке. Хохма удалась — яйцо не поддалось законам физики, оставшись целым, и восторженная Катя, прихватив «волшебный» снаряд, побежала во двор просвещать пацанов. Мальчишки, конечно, повелись. Витька кричал и краснел, Макс давил так, что пальцы дрожали — скорлупа держала удар. Но когда очередь дошла до Антона, тот не стал утруждать себя проверкой законов природы. Он молча взял яйцо, лениво размахнулся и с маху разбил его о голову Витьки. Желток тогда позорно потёк по Витькиному затылку под общий хохот, а Антон лишь победоносно ухмыльнулся. Катя не нашла в выходе ничего смешного — в его поступке не было ни ума, ни честности, но Антон был заводилой, их маленьким диктатором, и отчитать его как следует она тогда не посмела.

И вот сейчас блондин Антон, чей взгляд был небесно-голубым, красиво уложил мяч на носок кеда. Он красовался, выгибая спину, будто играл на глазах у целого стадиона.

— Смотри, как надо, — подмигнул он Кате.

— Тоха, кончай петушиться, пасуй, — негромко, но веско отозвался Макс, придерживая мяч стопой.

Макс, как всегда, был безупречен: чистое, выглаженное трико и футболка неяркого цвета, словно он только что вышел из дома, а не пробежал все утро с мячом. С Максом у Кати тоже была историческая связь: его мама когда-то училась в одной школе с Катиной матерью. Подругами они не были, но при встрече на улице могли зацепиться языками и трепаться битый час. Мама Макса работала воспитателем в детском саду, и эту педагогическую жилку сын, кажется, унаследовал сполна. Чтобы понять характер Макса, нужно было просто увидеть его рядом с младшим братом: он носился с мелким как наседка, оберегал и опекал так, как не каждая мать способна.

Макс был правильным во всех отношениях — благородным, отзывчивым, всегда готовым прийти на помощь. В их взрывной компании он оставался островком спокойствия. Он терпеть не мог потасовок, и именно Макс чаще всего улаживал и улаживал конфликты внутри компании. А ещё Макс ходил на народные танцы. Двор, конечно, мог бы над этим подтрунивать, но Макс регулярно уезжал с ансамблем на гастроли. Благодаря этому физически он был развит лучше всех: бегал быстрее ветра, обладал великолепной пластикой и координацией. И именно поэтому в футбол он играл лучше всех, управляясь с облезлым мячом с концентрацией учёного. Логично было бы предположить, что с такими данными Макс должен возглавлять их банду. Но лидером оставался самоуверенный Антон, потому что Макс, в отличие от Тохи, никогда не стремился быть признанным «лучше всех». В дружбе он был абсолютным демократом. Ему было достаточно, чтобы все просто были в хорошем настроении и не орали друг на друга.

Рядом, пританцовывая, крутился весельчак Витька — его спортивные были подвернуты до колена. Витьку все в компании слегка поддевали из-за его хронической бестактности, но без него игра теряла вкус. Отсутствие такта компенсировалось улыбчивостью и своеобразным обаянием.

Денис стоял в шортах, которые выглядели на нем странно, почти по-детски, будто вырос он уже после того, как их надел. В отличие от остальных, Денис в их доме не жил — он приезжал в их двор к бабушке на выходные или каникулы. Он был скромным, никогда не стремился привлечь к себе лишнее внимание и не участвовал в общих перепалках, предпочитая говорить редко и только по делу. Но за этой молчаливостью скрывались острый ум, отличное чувство юмора и тонкий, язвительный сарказм. Как и любой человек, не ищущий внимания, Денис был ранимым и обидчивым, что вкупе с бестактностью Витьки периодически приводило к мелким дворовым склокам. Повода серьезно спорить с Денисом почти никогда не подворачивалось, но если Витя перегибал палку, тот мгновенно замыкался или выдавал такую ответную саркастическую тираду, что Макс приходилось брать на себя роль миротворца. При этом Денис был парнем из категории «за любой кипиш, кроме голодовки». Его никогда не приходилось долго уговаривать или убеждать принять участие в очередной аванюре: если пацаны собирались строить шалаш, воровать яблоки или бежать на речку — Денис просто молча брал куртку и шел следом. На него всегда можно было безоговорочно рассчитывать.

Макс, не в силах расстаться с драйвом, был целиком поглощен мячом, превратив скучное ожидание в настоящий ритуал и набивая его всеми известными способами, пока Витька без умолку болтал. Наконец Антон резко оборвал бормотание Витьки и снова повернулся к Кате.

— Правила простые: стоишь на воротах, не даешь забить гол. Пропустила — «петух». Всё.

Катя выделялась в этой компании своей отчетливой, почти графичной яркостью: крупные, широко распахнутые голубые глаза и россыпь веснушек, которые казались золотистой пылью на её лице. На ней были светлые шорты из плотной ткани и майка в цветную полоску из универмага. На самом деле Катя скорее чувствовала, чем осознавала, что отношение к ней неуловимо меняется. Мальчишки выросли, и прежнее беззаботное равенство таяло с каждым жарким днем. Внутри нее росло беспокойство: если они окончательно признают её непригод-

ной для своих пацанских игр, то просто перестанут с ней дружить. Терять этих ребят, ставших родными, она не хотела ни за что. Тогда, в тринадцать лет, она интуитивно понимала — время бездумного бега за мячом уходит, и ей нужно было придумать способ, чтобы зарезервировать за собой новую роль в повзрослевшей компании, при этом не потеряв уже заработанный потом и разбитыми коленками статус «своего человека». Требования к ней вот-вот должны были измениться, и Катя, как могла, отчаянно и упрямо маскировала то, что начинало отличать её от мальчишек. Вот и сейчас не было места юбкам и колготкам. И именно поэтому, застав мальчишек за игрой, она не стала предлагать другое занятие, а позволила вовлечь себя в дурацкое развлечение.

Катя решительно кивнула и встала между «штангами» турника. Она приготовилась. Поблажек ей никто делать не собирался — во дворе действовали спартанские законы. И сейчас Катя, бывшая едва ли метр с кепкой, эти крепкие пацаны, уже успевшие заметно вымахать и окрепнуть к своим тринадцати годам, и тяжеленный, настоящий кожаный футбольный мяч составляли по-настоящему горючую смесь. Били они со всей дури, вкладывая в каждый замах все силы, на которые были способны.

Облезлый, грязный снаряд с потертой кожей полетел прямо в неё. Она отбила мяч ладонями и почувствовала, как пальцы будто рассыпались на кусочки, а следом появилась боль, как от горячей головешки. Катя пожалела, что не взяла мастерку с длинными рукавами, чтобы прикрыть горящие, мгновенно покрасневшие ладони. Второй удар она приняла плечом, развернувшись вполоборота, — так боль была выносимой. Хотя она и чувствовала, как по плечу и спине растекается горячая краснота, азарт напрочь вытеснил страх. Она отбила два удара подряд, и теперь улыбающийся Витька готовился к третьему.

Удар. Мяч пошел по непредсказуемой, рваной траектории. В тот же момент из-за кустов акации за ее плечом послышался смех, краем глаза она заметила постороннее движение и непроизвольно на долю секунды отвела взгляд от летящего мяча. Этого хватило. Вполне опознанный летающий объект на полной скорости с густым шлепающим звуком врезался ей прямо в лицо.

В глазах мгновенно полыхнуло белым, в ушах зазвенело. Катя охнула, присела на корточки, закрывая лицо руками. Царапины, оставленные грубой кожей мяча, горели. Она пропустила, и правила были неумолимы: звонкое, горькое «Я — петух!» разлетелось по двору, отразившись от панельных стен. Антон едва заметно усмехнулся, Макс отвел глаза.

И именно в эту секунду тишину нарушил резкий многоголосый смех. Из-за кустов показались трое парней — тех, кого во дворе побаивались, но с кем приходилось поддерживать хрупкий мир. Им явно было нечем заняться, они искали, чем бы развлечься, а потому просто не могли пройти мимо.

Самым громким был Мелкий — парень низкого роста с бегающими глазами, чьи руки никогда не замирали. Он выглядел так, будто донашивал одежду за старшим братом: слишком длинные спортивные штаны волочились по асфальту, а футболка висела мешком, скрывая его тщедушное тело. Жестикулируя, он подошел к Кате вплотную, глядя сверху вниз, хотя был почти одного с ней роста.

— О, гляньте-ка! У нас тут птицефабрика открылась? «Я — петух»? Ну, ну, молодцы, пацаны, не ожидал... — Мелкий сплюнул сквозь зубы. — Пацаны, вы чего, в дочки-матери играете? Где мужской пол делся, а? Баба на воротах — это у нас теперь новый стандарт? Ты чего, малая, правда такая смелая, или это у вас игра такая — позориться перед пацанами?

Катя почувствовала, как внутри закипает не страх, а холодная, расчетливая ярость. Они застали её в момент ребяческого позора, и теперь нужно было заставить их замолчать.

Рядом с Мелким высился Громила — длинный, с неприятным «лошадиным» лицом, покрытым прыщами. Его фразы всегда заканчивались гоголом, даже, если сказанное не было

шуткой. На нем была белоснежная, вызывающе чистая футболка, надетая поверх широких спортивных штанов.

Громила заржал, нелепо хлопая себя по коленям:

— Да они, небось, сами не знают, как в мяч попадать! Эй, малая, нос-то не отвалился?

Третий, Спичка, шел чуть позади. Он не участвовал в перепалке — ему нравилось просто наблюдать со стороны. Он смотрел на происходящее с лёгким прищуром в глазах, будто находил ситуацию забавной. В зубах у него была зажата спичка, которую он не вынимал даже во время разговора, лишь слегка прикусывал.

— Отвалите, — сухо бросил Макс, делая шаг вперед и закрывая Катю.

— Ты чо, такой дерзкий, чепушило? — Мелкий подскочил ближе, тыча пальцем в грудь Макс. — Давайте футбольшик, а? Только без этой... куклы на воротах. Или вы только с девчонками можете?

Катя вытерла глаза — они слезились, но в них горел упрямый огонь. Она поднялась.

— Я могу играть, — сказала она громче, чем собиралась.

Громила снова захохотал:

— Слышали? Она «может»! Слушай, да ты по природе своей не можешь. Если хочешь, можешь счёт вести, например.

— А ты у меня мяч забери сначала, а то как же вы без мяча играть будете? — Катя уверенно наступила на мяч ногой.

Мелкий мгновенно повелся на провокацию. Он попытался выбить мяч из-под ее кеда и начал финтить, суетливо перебирая ногами, чтобы сбить Катю с толку. Она не суетилась — ждала момента. В то мгновение, когда Мелкий замахнулся, увлекшись собственным выпендрежем, Катя резким выпадом прокинула мяч ему «между домика» и тут же проскочила мимо, догоняя снаряд.

Мелкий замер, его лицо перекосило от злости, но он промолчал.

— Ну что? — голос Кати звенел в тишине двора.

Мелкий отвернулся, сплевывая в пыльную траву.

— Да хрен с ней, играем. Вы все против нас троих, — буркнул он, не глядя в глаза. — Только если проиграете — мяч наш.

— Ну, давай, — сказал Антон, снова выходя на центр. В глубине души он теперь с опаской и интересом смотрел на Катю — ведь мяч принадлежал ему.

Мяч в очередной раз влетел в воображаемые ворота турника — 11:7. В воздухе стояла густая смесь пыли, пота и разогретого асфальта.

— Так, конечно, вас же больше! — разъярился от проигрыша Мелкий.

— Ну так больше, ты только сейчас посчитал? — с тихой иронией ответил Макс. Поддев мяч носком кеда, он ловко поймал его руками.

Громила провел по лицу грязной ладонью, тяжело дыша, и впервые посмотрел на Катю с каким-то странным уважением.

— Ну, — он сплюнул на асфальт, — хоть бегать ты умеешь.

Мелкий, до того не умолкавший ни на секунду, нервно поправил свою мешковатую футболку и промолчал. Спичка же просто кивнул — коротко, сухо, как будто ставил точку в важном расчете.

Вся компания начала собираться — подходило время обеда, пора было покинуть «поле боя». Катя уже отошла на приличное расстояние, но почувствовала на спине любопытствующих взгляд и обернулась.

Спичка, не вынимая спички изо рта, вальяжно подошел к Макс. Тот на секунду замер, явно не желая лишнего внимания, но Спичка уже прищурился, глядя на удаляющуюся девчонку.

— Слышь, Макс, — голос Спички был вкрадчивым, с ноткой ленивого любопытства. — Девчонка ваша... что за она?

Макс сжал зубы и, не оборачиваясь, ответил максимально коротко:

— Ну так, Катька, — он поторопился отделаться от расспросов.

— А откуда взялась? — Спичка чуть склонил голову, прищурившись еще сильнее.

— Из двенадцатого дома, — бросил Макс, стараясь быстрее увести своих прочь. — Второй подъезд. Первый этаж.

Спичка проводил взглядом удаляющуюся компанию, все еще прикусывая спичку. В его глазах блеснуло что-то, что нельзя было назвать просто праздным любопытством.

Он запомнил.

Глава 2

Глава 2: Обратная сторона двора (лето 2000-го)

«Квадрат» был Катиной тайной отдушиной. В эту игру она могла играть без перерыва, она нравилась ей гораздо больше, чем обычный футбол, где скромные размеры — едва метр с кепкой и пропорциональный вес — не играли ей на руку. В футболе рослые, почуявшие силу пацаны то и дело сшибали её с ног, даже не замечая этого в азарте атаки. «Квадрат» же предлагал совсем другие, почти шахматные условия. Здесь не нужно было обладать лосиной выносливостью Макса и бездумно носиться от каштанов к турнику, глотая придорожную пыль. Эта игра основывалась на чистом, ювелирном навыке владения мячом, на хитрости и координации. Здесь Катя была на равных.

Поле для битвы служила заасфальтированная площадка прямо перед домом. Вообще-то, по задумке архитекторов, этот аппендикс позиционировался как парковочный карман, но в ленивые утренние часы будней машин здесь не водилось — редкие дворовые автовладельцы уже разъезжались по делам. Сам гигантский крест, деливший асфальт на четыре равные зоны с кругом посередине, чертили обломком белого кирпича или куском мела всего один раз в году. Наслоения старых, размытых прошлыми дождями линий и новых, жирных штрихов перекрещивались на сером асфальте так причудливо, что сверху этот рисунок напоминал таинственные языческие знаки, выбитые древним племенем ради какого-то своего, сурового ритуала. Впрочем, для дворовых пацанов это и был ритуал. Четкие границы держались долго, так что готовое «поле» всегда было под рукой — выходи, бросай мяч в центр и кричи на весь подъезд: «Первый матч, чур не резать!».

Им не нужно было созваниваться по домашним телефонам или заранее договариваться о встрече. Вся пацанская часть компании жила в режиме абсолютной автономии: окна Антона, Макса, Витьки и Дениса выходили напрямиком во двор, так что каждый из них, просто отодвинув тюль, отлично знал, кто уже на месте, у кого в руках мяч и стоит ли спускаться.

Единственной, за кем по-прежнему приходилось заходить, была Катя. Её окна на первом этаже упорно смотрели на обратную сторону дома, полностью отрезая девочку от дворовой жизни. Из своей комнаты она видела лишь длинный газон, густо обсаженный раскидистыми кустами. Летом они зацветали пышными белыми гроздьями, которые к осени превращались в жесткие, хрустящие коробочки — их так здорово было лопать пальцами по дороге в школу. А сразу за кустами высился гигантский, древний тополь, чей ствол внизу разрастался до трех-четырёх человеческих обхватов. С этим тополем у Кати сложились особенные, почти дружеские отношения. Во время бесконечной зубрежки или подготовки сложного домашнего задания она часто замирала за столом, задерживая взгляд на растрескавшейся коре и шумящей листве за стеклом. Она искала там ответы на сложные вопросы, будто эти ответы созревали прямо на ветках дерева, среди зеленых листьев, и их нужно было просто хорошенько рассмотреть.

Из-за этой географической несправедливости Катя никогда не могла угадать, когда во дворе закипает жизнь. В таких случаях кто-нибудь из парней неизменно поднимался к ней. Благо, первый этаж — идти недалеко. В коридоре раздавался короткий звонок, Катя открывала дверь, и запыхавшийся гость выдыхал привычное, парольное: «Выйдешь?».

Но в то июльское утро всё пошло не по сценарию. Катя вышла на улицу без приглашения, наугад. И почти все уже были в сборе на заасфальтированном пятачке. Антон топтался на месте со своей обычной грацией небрежности, Макс был полностью сосредоточен на потертом кожаном мяче, а Витька привычно фонтанировал хорошим настроением.

Таким образом, их получилось ровно четверо. Для полноценного футбола или шумного «выбивало» компании явно не хватало, поэтому выбор пал на «квадрат» — благо, расчерчен-

ный асфальт уже ждал их под ногами. Играли лениво, без криков и споров, будто просто для того, чтобы убить душное утреннее время. Прежний детский азарт к беготне потихоньку, день за днем, сходил на нет, уступая место какому-то новому, еще не понятному им самим ожиданию взросления.

Денис вышел на улицу, когда партия в «квадрат» уже медленно подходила к концу. Он приблизился к расчерченному парковочному карману со своей обычной, тихой вальяжностью и сухо, коротко бросил:

— Привет, пацаны.

Он, как всегда, на автопилоте не заметил, что «пацанами» здесь были далеко не все. Впрочем, в то июльское утро этого еще толком никто не замечал — старые дворовые привычки и спартанское равенство всё еще оставались в силе. Бросать игру на полуслове не было смысла, поэтому партию доиграли быстро, на автомате, и в этот раз было абсолютно неважно, кто же в итоге выиграл и за кем осталось последнее очко на белом кирпичном кресте.

Мяч замер под кедом Макса. Нужно было взять паузу и подумать, чем заняться дальше, на что потратить этот длинный день казалось бы бесконечного лета. Солнце тем временем окончательно вошло в силу и начинало нещадно припекать макушки. Не сговариваясь, вся компания дружно переместилась к Катиному первому подъезду, оккупировав деревянную скамейку под бетонным козырьком, который держался на тонком железном столбике. Здесь, в зыбкой, пахнувшей разогретым гудроном тени, было хоть какое-то спасение от подступающего зноя. Катя на скамейку никогда не садилась, предпочитая оставаться на ногах, чтобы видеть всех собеседников одновременно: она встала напротив, привычно оперевшись плечом на прохладный железный столбик. Прямо за ее спиной рос огромный куст сирени. В мае он оглушительно пах на весь двор, но сейчас, в середине июля, давно отцвёл и служил для Кати массивным зелёным фоном, уныло выставляя напоказ сухие, ржаво-коричневые жёсткие метёлки.

Витька, подвернув спортивные до колен, без умолку болтал, отчаянно жестикулируя, а Макс привычно ушел в свой ритуал — монотонно набивал мяч, тихо считая: «...тридцать один, тридцать два...». Антон сидел на деревянной скамейке вразвалочку, транслируя всем своим видом абсолютное, непоколебимое превосходство. Особый лоск его дворовому авторитету придавала причёска: он носил стрижку, в народе именуемую «под горшок», которая между тем придавала ему сходство с Джоном Коннором во втором «Терминаторе» — с коротким, аккуратным затылком и модной длинной текстурной чёлкой, зачёсанной на один бок. Антон прекрасно знал, что выглядит эффектно, и время от времени резким, отточенным движением головы вскидывал эту чёлку со лба, когда готовился сказать что-то особо весомое. Этот жест служил драматическим вступлением. Так было и сейчас.

— Вчера видел, как «эти» к тебе заходили, — бросил он, кивнув в сторону панельного дома напротив. — Чего им надо было?

Катя, стараясь сохранить маску абсолютного равнодушия, лениво пожала плечами:

— Ничего особенного. Поболтали просто.

Катя совсем немного кривила душой. Было естественно, что после того памятного, болезненного июньского матча Катя первым же делом попыталась расспросить своих друзей о новых знакомцах. До этой нелепой игры в «петуха» она этих парней в лицо-то толком не видела, хотя, казалось, знала во дворе каждого кота. Мальчишки неохотно, но рассказали всё, что знали сами, пусть информации было и немного.

Выяснилось, что Мелкий жил в том же доме, что и Макс, но в самом последнем, дальнем подъезде, граничившем с пустырем. Громила обитал в унылой серой девятиэтажке, торчавшей на углу улицы — она стояла уже вне негласных границ их дворового государства. А Спичка был местным, из какого-то подъезда в дальнем, глухом углу двора, куда Катина компания редко заглядывала. О семье Мелкого вслух говорить было не принято, но по двору ходили слухи, что там всё не очень благополучно; о родителях Громилы и Спички не знали вообще ничего.

В первый раз, когда Катя возвращалась к ужину домой одна и еще издалека заметила три характерных силуэта на входе в собственный подъезд, ей стало не по себе, но домой нужно было пройти, и она решила не показывать беспокойства. *«А этим-то что здесь надо? Скамейка что ли удобнее других?»* — пронеслось в голове. Катя мгновенно нацепила на себя маску высокомерной недотроги, выпрямила спину и на их нестройное приветствие лишь холодно кивнула, даже не взглянув им в глаза, и юркнула за тяжелую деревянную дверь.

Однако они не выглядели враждебно — не пытались свистеть вслед или ставить подножку (этого Катя ожидала и уже была готова). Поэтому во второй раз, снова наткнувшись на них у крыльца, Катя уже чуть менее уверенно, но всё же ответила на их ленивые расспросы. А в третий раз — сама от себя не ожидая — остановилась и зацепилась языками, проболтав минут десять.

Видела она их нечасто, но день за днем её первоначальные опасения и страх перед «отморозками» растворялись в беспечном июльском воздухе. Катя начала понемногу узнавать этих парней с изнаночной стороны. Мелкий, как оказалось, вообще не умел разговаривать спокойно. Любая его реплика подавалась на повышенных, почти крикливых тонах и сопровождалась суевливыми, неловкими жестами. При этом он смешно наклонял вперед весь торс, но голову упорно держал прямо, из-за чего казалось, будто он постоянно пытается заглянуть собеседнику под подбородок. Громила толком сказать ничего не мог; его словарный запас был катастрофически мал, а куцые реплики почти целиком состояли из невнятных междометий, гогота и густого уличного мата.

Единственным, с кем общаться было действительно любопытно и даже в чем-то приятно, оставался Спичка. Хитрый, вкрадчивый прищур никогда не покидал уголков его глаз, точно так же, как неизменная деревянная спичка не покидала его губ. Для Кати оставалось загадкой, как эта маленькая щепка держится у него во рту — Спичка умудрялся внятно разговаривать, улыбаться, шутить, перекачивать её языком от одного уголка губ к другому, но она никогда не выпадала. В этом трюке была своя, странная уличная магия.

Вечером накануне допроса, устроенного друзьями под козырьком, «эти» впервые пришли к ней лично. До этого они пересекались исключительно у входа в подъезд, случайно, на виду у всего дома. А тут — целенаправленный визит. Когда прозвенел сигнал дверного звонка, дверь открыл отец. Родители Кати знали всех ее друзей и в лицо, и по имени, и где живут, и что ели на завтрак, поэтому вид незнакомых мальчишек немало удивил Владимира Николаевича. На пороге стояла странная троица. Но на вопрос: «А Катя дома?» он все же ответил утвердительно и подозвал дочь. Она была изумлена не меньше отца, но ещё больше ее удивил самый невинный вопрос: «Выйдешь?».

Вместо страха Катя ощутила укол острого, непреодолимого любопытства. Что им могло понадобиться? Эти ребята казались ей пришельцами с какой-то другой планеты. Казалось, они жили на изнанке её понятной, знакомой и упорядоченной жизни — будто пришли не с другого конца двора, а из другого полушария Земли. Они никогда не обращались друг к другу по имени, поэтому имён она толком и не знала, к ней же самой обращались просто: «малая». Но звучало это не обидно, в отличие от дворовых дразнилок, поэтому она и не сопротивлялась. Они странно разговаривали, много матерясь, но неблагозвучные слова складывались в осмысленные предложения и не резали слух, несмотря на то, что сама Катя так никогда и не изменила своей манере речи. Они никогда не говорили о своих семьях, казалось, что этих семей у них и нет вовсе и что они живут совершенно самостоятельной, автономной жизнью. Темы из разговоров тоже были непривычными, они называли незнакомых ей людей «погонялами», что делало их рассказы нереальными и больше похожими на сказку. И она слушала. Их жизнь проходила в другом измерении, где не было домашки, не было родительского «Домой!», а были только забавные персонажи и смешные истории. И Кате было безумно любопытно.

Именно поэтому она не стала закрывать дверь перед их носами, а накинула мастерку и спокойно вышла к ним на лестничную клетку, в полумрак прохладного подъезда.

Поболтать. Просто так, ради самого ощущения прикосновения к чужой, неизведанной тайне. Она и подумать не могла, что этот невинный вечерний визит уже был замечен кем-то из соседского окна, но во дворе на четыре дома было сложно что-то утаить.

Антон буквально вскинулся со скамейки, его лицо посуровело, проступили черты человека, которому брошен вызов:

— Поболтали? Ты хоть понимаешь, кто они такие? Отморозки, Кать, вот кто! Ты с кем связалась, ты вообще соображаешь?

Катя перевела взгляд на Макса. Тот вдруг замер, поймав облезлый мяч стопой. Он терпеть не мог дворовых стычек, но сейчас молчал.

— Они неплохие, — негромко ответила она, вспоминая их тихий разговор в полумраке подъезда. — Просто другие. Вы ведь их не знаете. Вот когда бы вы их лучше узнали, тогда бы и решали.

— Не знаем? — Антон зло усмехнулся и сделал шаг вперед, нависая над девчонкой. — Да про них весь район знает! Ты думаешь, они к тебе просто так шлындают? Про Мелкого слышала, как он весной у пацанов из тридцатой школы велосипед отжал? Просто подошел и попросил прокатиться, да так и не вернулся. А Громила? Да он в прошлом месяце на автобусной остановке какому-то заезжему парню челюсть сломал просто за то, что тот не так на него посмотрел. Они же все на учёте стоят, к ним проверки каждую неделю ходят!

Витька, испуганно округлив глаза, закивал, торопливо вставляя свои пять копеек:

— Кать, Тоха правду говорит! Мне пацаны рассказывали, что Спичка этот твой... Да про него вообще базарят, будто он уже на малолетке чалился, сидел полгода! Они же отмороженные, у них ни стыда, ни совести. Свяжешься с ними — потом проблем не оберешься, к нашему дому менты ходить начнут!

Катя слушала эти страшные, возможно правдивые, а возможно преувеличенные истории, которые в их правильном дворе передавались шепотом, из уст в уста. По логике вещей, от таких подробностей у тринадцатилетней девчонки должны были побежать ледяные мурашки по спине. Но вместо страха внутри происходило нечто странное. Перед глазами стояли вечерашние вечерние сумерки, прохлада подъезда и Спичка, который смешно перекачивал губами деревянную щепку, рассказывая про какого-то «Сиплого» и его дрессированных голубей. В ее сознании эти жуткие дворовые легенды преломлялись иначе — они делали ту троицу персонажами какой-то захватывающей, запретной и совершенно нереальной книги. Ее манил этот опасный, автономный мир, где не было скучных правил.

И на этой глупой Витькиной фразе про «малолетку» Катя вдруг поняла, как именно может умыть своих всезнающих друзей. Ее гибкий ум мгновенно зацепился за несостыковку. Она победно прищурилась:

Сидел? — Катя насмешливо фыркнула и скрестила руки на груди. — Вы хоть думайте иногда, что из угла в угол пересказываете! Спичка — наш ровесник, ему, как и нам, сейчас тринадцать лет. Тоха, ты же у нас умный, законы знаешь? Уголовная ответственность вообще-то с четырнадцати наступает. Как он мог сидеть, если его по закону посадить не могут? Вы эти сказки для первоклашек оставьте, а меня на понт брать не надо.

Антон на секунду растерялся, его ярко-голубые глаза удивленно округлились — крыть такой аргумент было нечем. Но признать поражение перед девчонкой на глазах у всей банды он не мог, поэтому аж подпрыгнул от возмущения, окончательно теряя хладнокровие, а в его голосе зазвенел жесткий, собственнический металл:

— Да какие законы?! Какая разница, сколько ему лет и где он там сидел или не сидел! — рявкнул он. — Ты его защищаешь, что ли? Узнавать она их собралась... Да я плевать хотел,

какие они там! Если ты хочешь быть с нами, забудь про эти отбросы. Выбирай: или мы, или эти отморозки. Если ты с ними шлындаешь, к нам больше не подходи.

Денис, который до этого молча сидел на железном столбике, лениво сплюнул под ноги и подал голос. В его тоне, как всегда, сквозило привычное чувство юмора и тонкий сарказм:

— Тоха, хорош орать, нашел врагов народа. Ты бы еще комитет тут устроил с выговором в личное дело. Катка сама разберется, с кем ей на лестнице стоять.

— А ты вообще молчи, Ден! — огрызнулся Антон. — Когда твой велик утащат, по-другому запоешь.

В груди Кати вспенилась обжигающая обида, щеки мгновенно полыхнули. В памяти тут же всплыл вчерашний вечер, и пазл окончательно сложился.

— А кто дал им мой адрес? Кто-то из вас им сболтнул! Они вчера четко знали, в какую дверь стучать. — Она в упор посмотрела на Макса.

Макс виновато потупился, разглядывая трещины на асфальте. Из-за своего вечного стремления сглаживать углы и оставаться со всеми в хороших отношениях он просто не смог отказать Спичке на его вкрадчивые расспросы.

— Кать, я... я не думал, что они привяжутся, — растерянно пробормотал он. — Я просто сказал, где мы обычно тусуемся. Извини.

Ей стало жаль Макса, видевшего его растерянность, но Антон был неумолим и не дал ей опомниться:

— Хватит тут сопلي жевать! Кать, ты слышала? Или ты теперь тоже «странная» стала?

Витька со своей извечной бестактностью снова вклинился в разговор:

Кать, ну серьезно. Мы же с пеленок вместе. Ты реально променяешь нас на этих отмороженных?

Катя обвела взглядом лица ребят, с которыми прожила всю жизнь на этом заасфальтированном пятачке и которых любила всем сердцем. Они требовали сделать выбор, не желая слушать и понимать. Но ее упрямый характер и сила сопротивления, которая, как мы знаем, равна оказываемому давлению, не могли позволить прогнуться под этот глупый, несправедливый ультиматум. Обижать кого-то зазря она тоже отказывалась.

— Вы хоть слышите себя? — тихо спросила она. — Вы ведь их даже не знаете. Я никого выбирать не буду.

— Сама решай, а мы все сказали, — отрезал Антон, холодно глядя на неё сверху вниз.

Она не стала ничего решать. Стоя у железного столбика, Катя молча приняла решение не выбирать вовсе, а просто быть собой и дружить со всеми, кто предложит ей честную дружбу. Границы пали. Теперь можно было уходить далеко за пределы серых пятиэтажек, открывать для себя незнакомые улицы, новые дворы и неизвестных людей. Катя по-прежнему при удобном случае с удовольствием зависала со своими парнями.

Так что на самом деле выбирать ей так и не пришлось. Уже через несколько дней жизнь во дворе вернулась в привычную колею. Они всё так же проводили летние дни вместе, ходили на озеро и делились секретами. Но именно в те знойные дни её детская компания незаметно превратилась из «единственных» друзей в «лучших». Настоящая проверка этой новой географии случилась несколько лет спустя, уже после окончания школы. Катя уехала вместе с родителями в загородный санаторий — Владимир Николаевич свято верил в пользу соснового воздуха и строгого расписания здравниц. Для семнадцатилетней девчонки это была форменная ссылка. Сорок километров от города, вокруг — глухой бор, тихий час по расписанию, кефир на полдник и бесконечная, удушающая, до боли звенящая скука. Из развлечений — только смотреть на вековые сосны и ингаляции по утру.

Не выдержав и недели, Катя прорвалась к стационарному телефону в холле главного корпуса, набрала знакомый на зубок номер и взмолилась в трубку, описывая друзьям все ужасы

санаторного плена. Она ни на что особо не рассчитывала — сорок километров в одну сторону по загородной трассе для пацанов на велосипедах казались непреодолимой дистанцией.

Но они приехали.

Ближе к обеду у санаторных ворот выросла запыленная, потная и дико довольная собой троица — Макс, Витька и Денис. Они крутили педали три часа в одну сторону просто потому, что Катке было скучно (как, вероятно, и им самим). Стоя на балконе номера, все четверо были поглощены трепом о том, что случилось во дворе за последнюю неделю, когда Витька, заговорщически улыбаясь, вытащил из кармана мятую пачку сигарет.

На, малая, попробуй. Тебе понравится, — лениво протянул Витька.

Катя замотала головой, отнекиваясь и косясь на кусты — курение в её личную систему координат никак не вписывалось, она всегда была категорически против.

— Да ты не бойся, она ненастоящая! Ментоловая же! — авторитетно заявил Макс, щёлкая зажигалкой. — От неё даже дым другой, чистый кайф.

И Катя сдалась. Эта наивная пацанская ложь про «ненастоящую сигарету» сработала безотносительно аргументов. Первая в жизни затяжка: едкий, сухой ментоловый дым, от которого перехватило дыхание и предательски закружилась голова, и кашель, который пришлось отчаянно глушить в кулак. Мятую пачку ей так и оставили.

Обратно в город они уехали еще до ужина. Катя провожала их до ворот, где они без опаски оставили велосипеды. Внутри разливалось невероятное, теплое осознание — она чувствовала себя выигравшей в лотерею.

Правда, рыцарская романтика дала трещину практически сразу. На выезде из лесного массива у велика Витьки на полном ходу с хрустом и звоном отвалилось переднее колесо. Пришлось чинить велосипед прямо на дороге подручными средствами, теряя оставшееся до заката время. Не успели они взобраться обратно на велосипеды после починки, как небо потемнело за секунды, и потоки воды превратили шоссе в средних размеров реку. Укрыться было негде. В итоге сорок километров до города пацаны преодолевали насквозь промокшими, со всеми вытекающими из этой глупой, сумасшедшей поездки последствиями.

В их жизни по-прежнему оставалось всё то, что скрепляло их годами. Они всё так же устраивали тайные, азартные побегі на озеро. Пацаны всё так же привычно поднимались на ее первый этаж, звенели в дверь и выдыхали парольное: «Выйдешь?». И точно так же в самый разгар плавающих летних дней они, умирая от жажды под козырьком, хором требовали, чтобы Катя вынесла им попить. Эта простая, честная дворовая дружба оказалась намного прочнее глупых подростковых амбиций и ревности. Она проросла сквозь них на долгие годы вперед — так крепко, что даже много лет спустя, когда Макс вернется со службы в армии, они будут встречать его всё тем же полным, неизменным составом.

Глава 3

Ноябрь 2001 года пришел на городские окраины со своим привычным сизым небом, но в этот раз решил обойтись без затяжной слякоти. Уже после обеда, когда ранние сумерки только начали лениво наползать на район, из низких туч повалил густой первый снег. Он ложился на остывший за осень асфальт плотным слоем, обреченным растаять с рассветом и превратиться в грязную кашу под колесами рейсовых автобусов. Но сейчас, в вечерней морозной тишине, этот снегопад творил настоящее волшебство. Он надежно прикрыл привычную серость глубокой осени, ввевшуюся в поры серых панелек, нарядил в пушистые белые шубы голые ветки огромного древнего тополя за окном и спрятал пожелтевшую, прибитую первыми заморозками траву. Пейзаж, еще вчера наводивший уныние, вдруг преобразился, заискрился в лучах редких фонарей и начал вызывать щемящее чувство скорого, неизбежного праздника.

Большинство жителей района в такой вечер предпочли бы остаться дома, кутаясь в шерстяные пледы и лениво глядя на кружение хлопьев сквозь двойные стекла. Но Катя, замерев у окна своей комнаты, смотрела на падающий снег совсем с другими мыслями. В её комнате окна все так же выходили на обратную сторону дома, полностью отрезая девочку от шумной дворовой жизни, но сегодня это было даже на руку. В этот морозный вечер она собиралась стать зрительницей куда более жаркого, захватывающего и запретного события.

Новый Ледовый дворец, построенный в районе чуть больше года назад, сиял в сгущающихся сумерках, как огромный инопланетный объект, по чистой случайности приземлившийся посреди унылых пятиэтажек. Для Кати за этот год он стал не просто главной местной достопримечательностью — это был её настоящий оперативный штаб, куда она входила с привычной, отточенной уверенностью. Дворец превратился в центр притяжения для всего района. По субботам здесь гремели массовые катания, на которые Катя приходила вместе с родителями и братом. В свои четырнадцать лет она ничуть не стеснялась этих семейных выходов и совершенно не боялась быть прозванной за глаза «маменькиной дочкой». По воскресеньям же она ходила точить лед со своей привычной школьной компанией — это были самые настоящие, верные друзья, готовые и в огонь, и в воду, несмотря на их вечную занятость, участие в республиканских олимпиадах и бесконечных факультативах. Время от времени под своды дворца наведывались отечественные эстрадные звезды или модные ледовые постановки со своими концертами в рамках очередного провинциального «чёса». Но в будние дни Дворец безраздельно принадлежал другому — настоящему, жесткому мужскому хоккею.

В школьных же стенах до определенного возраста Катя оставалась настоящей невидимкой — тихой, серой мышкой, про которую одноклассники и учителя напрочь забывали, если нужно было по памяти перечислить учеников. В журнале Катя прочно числилась в троечниках, но вовсе не потому, что ей не хватало интеллектуальных способностей. Скорее наоборот. Просто в школе ей жутко, до зубовного скрежета не нравилось учиться, и она сознательно ограничивалась выполнением самого необходимого минимума. Планка при этом в их учебном заведении стояла высокая — школа была с суровым физико-математическим уклоном, а их класс официально считался лучшим во всей параллели. Но Катя и не думала стараться, удерживая свою планку невидимки. Школьные классные комнаты оставались для неё лишь скучной, обязательной транзитной зоной, которую нужно было просто перетерпеть.

Зато Катя фанатично, до дрожи в пальцах любила читать. В бытность студентами её родители собрали великолепную, огромную домашнюю библиотеку, усердно обменивая сданную макулатуру на дефицитные, пахнущие типографской краской тома. Дома было много серьезной классики, а целую полку занимали легендарные «БПФ» — Библиотека приключений и фантастики с одинаковыми корешками и узнаваемым логотипом. Для Кати всё началось с «Тарзана», «Айвенго» и «Всадника без головы» — это были первые кирпичики, которые ей

пришлось читать втихаря от родителей, когда ее отрывали от книги и отправляли спать. Она захлеб зачитывалась Жюлем Верном, Александром Беляевым и Фенимором Купером, а к четырнадцати годам руки наконец-то дошли до Александра Дюма.

С этого момента в её комнате началась настоящая эра больших исторических романов. У Кати выработался свой собственный, безотказный метод: она просто подходила к стеллажу, выбирала на полке самую толстую книгу и полностью, с головой уходила в иной мир доблести и чести, переплетенных с отравлениями и несправедливостью. «Три мушкетёра» вместе с продолжением «Двадцать лет спустя», великая трилогия о королеве Марго и графине де Монсоро, монументальный «Граф Монте-Кристо» — всё это поглощалось на одном дыхании, оставляя после себя сожаление о том, что книга закрыта и прочитать ее опять как в первый раз уже не получится. Когда полка Дюма иссякла, в ход пошли «Джейн Эйр», мрачный и тяжелый «Замок Бруди», «Поющие в терновнике» и даже многотомная «Анжелика». Это было её личное королевство. Чуть позже, ближе к пятнадцати годам, когда во время летнего отпуска она случайно обнаружит в загородном доме целый шкаф книг о Конане, в ней разгорится пожизненная любовь к жанру фэнтези. Но тогда, унылой осенью пятнадцатого года жизни, её тайная читательская вселенная оставалась скрыта от чужих глаз. Вся её настоящая, осязаемая жизнь, её главные порывы, мотивы, разочарования и ожидания были там — в её дворе. Но на сегодня было запланировано иное приключение.

Когда она впервые месяц назад подошла к родителям и попросила денег на хоккейный матч, в квартире воцарилось удивление. Родители изумились такому странному хобби, к которому раньше дочь не проявляла ни малейшего интереса, но, не найдя ничего предосудительного в увлечении спортом, выдали нужную сумму и отпустили с миром. В их нехитрой логике всё выглядело просто: девчонку пригласили за компанию, она сходит один раз ради любопытства, посмотрит на беззубых дядек в касках, замерзнет и на этом успокоится.

Когда же ровно через две недели Катя снова завела разговор о матче, лица родителей вытянулись так, словно калькулятор на банальное «два плюс два» внезапно выдал им результат «пятнадцать». Деньги и разрешение они всё-таки дали, но уже с явным подозрением. За эти первые игры Катя успела сносно выучить основные кричалки и уже не вскакивала раньше времени при приближении ревущей волны по трибуне. Заядлые фанаты начали её узнавать и смотрели со смесью любопытства, снисхождения и явной симпатии. Она отлично знала персонал дворца, и они её тоже узнавали. Но так было только до тех пор, пока у неё в кармане была заветная контрамарка.

К нынешнему ноябрьскому вечеру в родительском штабе была выстроена глухая оборона. Они подготовились к сопротивлению заранее и поставили жесткий ультиматум: «Никаких матчей среди недели! Ты приходишь домой слишком поздно, а утром вставать в школу». И их отказ был абсолютно обоснован. Матчи начинались поздно, уже после ужина, длились добрых два с половиной часа, а с учетом дороги Катя возвращалась домой около полуночи. В ноябре темнело неприлично рано, и в двенадцать часов на улице царила глухая ночь. А ведь ей было всего четырнадцать. Вдобавок новая хоккейная компания, с которой Катя повадилась ходить на трибуны, родителям не нравилась категорически — этих ребят они знали только в лицо, понятия не имея, кто они, чьи и откуда. Родители считали свое решение окончательным и обжалованию не подлежащим.

Вообще-то, жаловаться на семью Кате не приходилось — отношения с родителями у неё были хорошими, теплыми и понятными. Владимир Николаевич и Елена Сергеевна искренне интересовались жизнью четырнадцатилетней дочери: строго проверяли домашние задания, контролировали оценки, знали по именам всю её дворовую компанию и всегда были в курсе её увлечений. С самого детства Катю окружали вниманием. Из ранних лет в памяти отчетливо звенели детские стихи, которые девочка на лету, после одного-двух прослушиваний, запоминала наизусть. Читать и писать её тоже научили задолго до первого класса.

Мама изо всех сил старалась воспитать из Кати настоящую леди. Именно она мягко, но настойчиво усаживала её за альбом для рисования, научила перебирать спицы, вывязывая ровные петли, и делилась первыми женскими секретами красоты. Катя платила за это абсолютным доверием: на уютной кухне они часами могли обсуждать школьные сплетни, мелкие забавные происшествия или дворовые новости. Отец, Владимир Николаевич, тоже никогда не оставался в стороне. Катя до сих пор хранила воспоминание о том, как они вместе мастерили смешную рожицу из плотного картона: вместо волос приклеили толстую косу из ярко-желтых шерстяных ниток, а глаза сделали из пустых ячеек от блистера таблеток, бросив внутрь по маленькому темному зрачку. Это отец впервые побежал за ней по асфальту, придерживая за сиденье, когда она училась кататься на двухколесном велосипеде. Жизнь их семьи вообще была подтянутой и активной: зимой они шумно выбирались на заснеженные горки с санками, посещали городские мероприятия, а летом неизменно ездили в долгожданный отпуск к теплому крымскому морю.

Но идеальной эта картинка, конечно, не была. Родители оставались строгими людьми своего времени и в вопросах дисциплины порой не гнушались крайними мерами воспитания. Тяжелая прыгалка-скакалка, свистнувшая в воздухе за серьезный проступок, быстро и доходчиво выставляла внутренние границы допустимого. Катя знала: у родительского терпения есть четкий предел.

Но в тот момент Катя смотрела на их строгие лица и видела лишь препятствие, которое нужно обойти. Раз лобовая атака не удалась, следовательно, нужно действовать в обход. Благо, в её тылу был надежный союзник — восьмилетний брат Миша.

С Мишей её связывали классические, хотя и весьма сложные отношения старшей сестры и младшего брата. С самого момента его рождения и триумфального прибытия из роддома к домашнему очагу привычная жизнь Кати кардинально изменилась. Понятно, что будучи младенцем, Миша физически не мог накосячить так, чтобы родители строжились на него. Но для Кати тогда имел значение только один несправедливый факт: брата никогда не отчитывали, а её — постоянно. Ей отчаянно казалось, что родители носятся с этим мелким в разы больше, искренне радуясь любым его успехам («Подумаешь, ходить он научился, — ворчала про себя Катя, — это вообще все умеют!»). Из-за этого внутри крепла глухая подростковая уверенность, что её вообще произвели на свет исключительно ради того, чтобы она была вечной нянькой у Мишеньки. Мама действительно частенько просила дочь остаться дома и караулить брата, пока тот увлеченно ползал по разложенному дивану, а Кате в эти минуты хотелось заниматься абсолютно другими, более важными и интересными делами.

То же самое продолжалось и позже. Когда Миша подрос, ответственность за его безопасность во дворе целиком и полностью легла на Катины плечи, что существенно ограничивало её свободу передвижения. Дома они, конечно, дрались, шумно спорили и ябедничали друг на друга в поисках правосудия. Но день за днём Катя послушно отводила его в детский сад, забирала вечером, знала всех его друзей, хотя тогда ей казалось, что она просто безропотно выполняет навязанные обязанности.

Впервые теплые чувства к брату Катя осознала, когда стала чуть старше. Это случилось в один из учебных дней, когда ей прямо посреди уроков позвонили из школы и передали, чтобы она срочно бежала в спортзал — звонил школьный физрук, который Катю отлично знал. Голос у учителя был непривычно встревоженным: у Миши случилось сильное рассечение. Катя не помнила, как долетела до школы, как у неё перехватило дыхание от вида испуганного брата с окровавленной повязкой на лбу. Их вместе посадили в скорую и отправили в ближайшую детскую больницу. К счастью, страшного ничего не произошло: дежурный хирург быстро наложил пару швов, и их отпустили домой. Вот только обратно им пришлось тащиться пешком через полгорода — жили они в двух шагах от школы, и денег на проезд у Кати в карманах куртки не водилось. Они шли медленно, Миша шмыгал носом, а Катя крепко держала его за ладошку, впервые в жизни удивляясь, как внутри разливается безотчетная нежность к брату. Домой они

тогда вернулись поздно, родители уже начинали не на шутку волноваться, но этот день навсегда изменил что-то между ними.

Именно поэтому в вечер хоккейного побега Катя без колебаний сделала Мишу своим единственным свидетелем. Восемилетний брат знал почти все её тайные косяки, от мелкой лжи до драматических авантюр, но обладал удивительной для своего возраста стойкостью — под напором родительских расспросов он никогда не уступал и ни разу её не выдал. Катя иногда задавалась вопросом, откуда в ребенке столько твердости, сама она в его годы так бы точно не смогла.

Вот и сейчас, когда перед самым уходом она сухо предупредила его, чтобы не поднимал шума, Миша лишь недовольно насупился. Эта история ему жутко не нравилась, соучаствовать не хотелось, но быть шестеркой было еще хуже, чем содействовать молчанием. Он просто коротко кивнул, принимая на себя бремя соучастия и прекрасно зная, что с него за это еще спросится.

— Я пошла, — шепнула Катя Мише сразу после ужина. Тот лишь молча кивнул, не поднимая взгляда.

Ещё засветло, улучив момент перед приходом родителей с работы, Катя сбросила с балкона зимние ботинки и теплую куртку, стараясь сделать так, чтобы их приземление произошло как можно ближе к стене и они не бросались в глаза из окна. Вещи мягко приземлились в свежевывающий снег, который так и продолжал сыпать, скрывая все улики.

Самым сложным было открыть старую, разошедшуюся деревянную дверь балкона так, чтобы она не издала своего фирменного пронзительного скрипа и осталась неслышанной. Катя нажимала на ручку миллиметр за миллиметром, замирая при каждом шорохе, пока в лицо не ударил колючий ноябрьский воздух. Ну а дальше — дело нескольких секунд и чистой дворовой ловкости. Катя привычным движением подтянулась над рамой, перекинула в морозную темноту одну ногу и, нащупав опору, легко перелезла через балкон.

Внизу её ждали. В темноте чьё-то надежное плечо послужило подножкой, а чьи-то руки аккуратно поймали за талию и опустили на бетон. Катя не стала разглядывать, кто именно её держит — в этот момент все пацаны были для неё единой командой, готовой на любой шухер. Нащупать в снегу ботинки и накинуть на плечи куртку заняло меньше минуты.

— А деньги-то на билет у кого-нибудь есть? — между делом шепотом спросила она, яростно застегивая молнию под самым подбородком.

Спичка, Мелкий, Громила и Кеша удивленно на неё посмотрели. С Кешей она познакомилась недавно — это был удивительно располагающий к себе парнишка с рыжеватыми волосами, круглым лицом и открытым, лучистым взглядом.

— Денег на контромарки нет ни у кого, — констатировала она, понизив голос ещё больше. — Как мы вообще собираемся войти? Там же контролер на каждом входе.

Спичка, не вынимая изо рта свою неизменную деревянную щепку, едва заметно улыбнулся одними уголками глаз и многозначительно кивнул на Кешу.

— Увидишь, — бросил он коротко. — Главное — не тупить.

К футуристическому виду самого Ледового дворца, сиявшего в сумерках, Катя давно привыкла. Но в этот вечер знакомый пейзаж преобразили детали. Вместо нарядной, смеющейся молодежи и влюбленных парочек, которые обычно лениво стекались к крыльцу на сеансы массового катания, у входа бурлила совсем другая публика. Пространство перед стеклянными дверями оккупировала плотная, гудящая толпа мужчин совершенно разных возрастов — от нескладных шкетов Катиных лет до седых, побитых жизнью пенсионеров. Весь этот живой массив громко спорил, красноречиво жестикулировал и затягивался сигаретным дымом прямо на морозном воздухе. Подойдя ближе, Катя улавливала обрывки сочных уличных шуточек, яростные разборки предыдущих игр и внезапные, резкие выкрики первых кричалок — фанаты планомерно заводили сами себя еще до стартового свистка.

Внутри вестибюля картина оказалась еще масштабнее. Если на обычное катание администрация строго пускала не больше ста двадцати человек за сеанс, то трибуны Дворца были рассчитаны на тысячи, и сейчас вся эта масса людей плотно забила фойе, ожидая сигнала к открытию проходов. Мужчины вокруг казались Кате значительно плечистее и запредельно высокими по сравнению с ней самой — в этой сутолоке её, с её скромным ростом, толпа попросту не замечала, обтекая со всех сторон.

Некоторых завсегдатаев фан-сектора она уже узнавала в лицо — именно эти колоритные мужики с лужеными глотками обычно заводили трибуны перед игрой. Кое-кто из них даже помнил Катю по её прошлым визитам. Во время первой вылазки на хоккей ей было по-настоящему не по себе: галдящая толпа никак не вызывала ощущения безопасности. Но в этот ноябрьский вечер страх отступил. Катя уже твердо знала, что здесь, на хоккейной территории, её никто не обидит, не подденет и не поддразнит. Напротив, бывалые фанаты посматривали на девчонку со смесью любопытства, снисхождения и явной симпатии. Представительницы прекрасного пола в этой суровой мужской среде были огромной редкостью, и за эту преданность игре их ценили и берегли особенно, невзирая на возраст.

Но вся эта фанатская солидарность работала лишь тогда, когда у тебя в кармане был билет. У Кати же не было ни гроша, и теперь пришло время действовать.

Войдя во Дворец, они быстро разбились на пары. Кеша и Мелкий, пригнув головы, уверенно двинулись к левому крылу, где у турникетов часто дежурил их знакомый контролер. Громила, свято веривший в таранную силу своей борзости, решил брать штурмом центральные двери и попёр нахрапом прямо на бдительного контролёра, в надежде проскользнуть незамеченным. Катя же осталась стоять со Спичкой у соседнего прохода.

Издалека они увидели, как шустрый Мелкий широко улыбнулся какому-то незнакомому парню, бывшему года на два старше их, коротко и по-свойски пожал ему руку, и через мгновение они с Кешей буквально растворились в проходе на трибуну.

Катя затаила дыхание и вопросительно взглянула на Спичку. Тот выглядел воплощением уличного спокойствия: руки глубоко в карманах черного бомбера на ярко-оранжевой подкладке, неопределенного цвета свитер под самое горло, а на шее небрежно намотан новенький сине-белый шарф с надписью. Щепка в уголке его губ даже не шелохнулась.

— Ну что, малая, пошли, — Спичка слегка подтолкнул Катю вперед, направляя к вертушке.

На этом посту дежурил пожилой, хмурый контролер — тот самый, который на прошлых матчах лично пропускал Катю по контрамаркам. Мужчина скользнул по ним тяжелым взглядом, на секунду задержавшись на демонстративно расслабленной фигуре Спички. Контролер, разумеется, был далеко не дураком и прекрасно понимал, что у этой парочки за пазухой нет никаких билетов. Но в его простой, житейской логике всё было просто: он отлично помнил, что эта мелкая девчонка раньше приходила честно. Раз эти обороты тратят карманные деньги на билеты, когда они у них есть, значит, они действительно увлечены хоккеем, а не приперлись похулиганить или просто погреться в тепле.

— Опять вы? — притворно сурово проворчал старик, но в его уставших глазах промелькнула искра узнавания. — Ладно, проходите, только чтоб тихо мне там! Места на четвертом секторе свободные есть, дуйте туда.

Катя судорожно выдохнула, чувствуя, как внутри взрывается адреналиновый восторг. Спичка лишь едва заметно подмигнул ей, когда они оказались в полумраке коридора.

Тем временем со стороны центрального входа, где пытался прорваться Громила, донесся яростный шум. Видимо, Гром был жестко остановлен охранником. Завязалась короткая перепалка, и его, как злостного нарушителя, весьма недипломатично попросили освободить помещение. Впрочем, Катя знала, что Громила так просто не сдастся — и действительно, тяжело

дыша, злой, взъерошенный и грязно матерящийся, сыпля проклятиями, он просочился на трибуны только к середине первого периода.

А пока Катя со Спичкой первыми спустились к самому низу, туда, где ледяное поле отделяла от зрителей только прозрачная пластиковая стенка по периметру площадки. Там их уже поджидали Кеша с Мелким, у которых всё прошло без сучка и задоринки. Вскоре к ним подтянулся и взъерошенный Громила.

— Ну что, пролезли, чепушили? — пробасил он, тяжело плюхаясь на свободное сиденье.

Катя привычно пропустила его очередной выпад мимо ушей. Она стояла в самом низу трибун, зажата со всех сторон галдящими, пахнущими морозом и азартом мужиками, и мир вокруг сжимался до размеров ледовой площадки. Скорости здесь казались запредельными. Когда прямо перед её лицом, с тяжелым глухим стуком впечатываясь в пластиковый борт, на полной скорости сцеплялись хоккеисты, у Кати перехватывало дыхание.

На первых матчах она еще тушевалась: испуганно замирала, когда по трибунам, нарастая океанской волной, катился рев, и вскакивала раньше времени, путая лад. Но к ноябрю Катя уже сносно выучила все фанатские кричалки и четко ловила общий ритм. Атмосфера на трибунах передавалась от одного болельщика к другому, как электрический ток, и никто вокруг не мог остаться в стороне.

А в этом сезоне, когда любимая команда начала выигрывать гораздо чаще, чем проигрывать, это ощущение причастности к чему-то великому усилилось в разы. Это был не просто спорт — это был дерзкий, невероятный взлет молодого клуба «Р*****кие львы», который на глазах у всей страны совершал свое историческое чудо, прорываясь к серебру чемпионата. Каждая игра превращалась в битву. Когда наши парни забивали, арена взрывалась так, что новенький Дворец, казалось, физически ходил ходуном. В эти секунды суровые мужики вокруг орали как сумасшедшие, вскидывали руки, Катя скандировала кричалки — обидные для соперников, когда забивали «нашим», и грубые, но отлично мотивирующие, когда забивали «наши», — напрочь срывая голос. Внутри вибрировало дикое, пьянящее чувство: она ощущала себя частью чего-то большого и дружелюбного, она уже была «своей».

Обратный путь домой напрямую зависел от финального свистка и исхода матча. Если команда, отчаянно сражаясь, всё же проигрывала, они шли назад по темным, засыпаемым снегом дворам в относительной тишине. Спутники — Спичка, Мелкий, Кеша и Громила — наперебой остервенело критиковали игру собственной команды. Каждый из них с экспертным видом расписывал, как он сам сыграл бы лучше любого из этих «инвалидов», и шумно обсуждал чужие ошибки и промахи. Катя слушала их вполуха: азарт потихоньку остывал, а в голову лезли невеселые мысли о том, что дома её ждут родители.

Но если наши побеждали — а в этот ноябрь победный марш уже вовсю набирал обороты — тишины району не видать было до самой полуночи. Шальные, хриплые кричалки разносились по темным лабиринтам между серыми пятиэтажками, чтобы поставить в известность о победе каждого сонного обитателя района.

— «Львы» — вперед! «Львы» — дают! Наши парни всех порвут! — автоматически произносила она знакомые, ставшие родными слова, но мыслями все равно уже была дома, просчитывая шаги.

Она переступала порог квартиры на цыпочках, не зная, какой будет реакция родителей. По голове за такие ночные прогулки среди недели точно не погладят. Но в этот раз родители, уставшие от ожидания и убаюканные глухим молчанием верного Миши, обошлись короткой, суровой отповедью и удовлетворились Катиным покаянным обещанием, что такого больше никогда не повторится.

Правда, засыпая в своей кровати под мерный шум старого тополя за стеклом, Катя уже блаженно улыбалась в темноту. Сон медленно окутывал её, но в гаснущем сознании она уже отчетливо видела слепящий белый лед, сине-белые шарфы, слышала рев трибун и во всех

деталях представляла себе следующую игру, ради которой она без раздумий снова перемахнет через балкон.

Глава 4

Кодекс подъезда (ноябрь 2001)

Звонок в дверь раздался, когда Катя едва успела вернуться из школы и сесть за обед. Как всегда в последнее время, ела она, не поднимая глаз от стола: прямо рядом с тарелкой лежал раскрытый пухлый том из анналов домашней библиотеки. Строчки о рыцарях, верности и придворных тайнах поглощали её куда сильнее, чем постепенно остывающий суп. Не выпуская раскрытую книгу из рук, словно боясь растерять остатки читательского волшебства, она подошла к двери и заглянула в крошечный глазок. Наверное, почтальон.

Но на пороге стояли Мелкий и Спичка.

— Здорóво, малая, — Спичка, как обычно, лениво подпирал плечом косяк. — Как сама? Чё родоки, сильно лютовали?

— Да так... обошлось, — Катя прижала тяжелую книгу к груди, чувствуя, как вчерашний страх перед родительским гневом окончательно сменяется привычным уличным азартом.

— Слышь, тут дело есть, — Мелкий нетерпеливо переступил с ноги на ногу, пряча руки в карманы. — Можешь выйти?

С книжкой расставаться было совсем неохота, но дворовое любопытство в очередной раз перевесило. Захлопнув томик, Катя бережно оставила его на тумбочке в прихожей, накинула куртку и вышла вслед за пацанами на промозглую ноябрьскую улицу.

— Куда мы? — поинтересовалась она, на ходу застегивая молнию, когда они миновали их привычный, засыпанный свежим снегом двор.

— «Контору» тебе покажем, — коротко бросил через плечо Спичка.

Про «контору» Катя, конечно, слышала и раньше. В пацанских разговорах это слово всегда произносилось с особым, почти сакральным значением — какое-то тайное, полумифическое место сбора, строго недоступное для чужаков. Но до сих пор её туда не звали, и она понятия не имела, что эта самая «контора» из себя представляет. В её девчоночьем воображении, возвращенном на приключенческих романах, это была чистая комната с письменным столом и как минимум настольной лампой. Реальность, как водится, оказалась куда приземленнее.

Они остановились у крайнего подъезда соседней панельной пятиэтажки. Архитектура здесь была стандартной для всего района: справа — тяжелая деревянная дверь, ведущая к квартирам, а слева, чуть утопленная в цоколь, — массивная железная створка, скрывающая вход в подвал. Она была наглухо закрыта на длинный железный засов. У Катиных родителей в доме был точно такой же подвал, закрывавшийся на странный длинный ключ, похожий на изогнутый штырь, вот только пользовались они им от слова «никогда».

Мелкий привычным, отточенным движением подцепил засов снизу и легко, без всякого ключа, откинул его в сторону. Катя удивленно моргнула, про себя отметив: *«Прикольно. А как они его изнутри-то открывают, если кто-то снаружи закроет?»*

Узнать этого ей было не дано. Мелкий протянул руку в глухую темноту проема, наощупь щёлкнул выключателем, и перед Катей открылся зев узкой, круто уходящей вниз бетонной лестницы. Мелкий нырнул первым. Катя, старась не поскользнуться на нанесенном с обуви талом снеге, пошла за ним, а Спичка задержался сзади. Сначала раздался глухой стук притворенной двери, который тут же сменился резким металлическим лязгом — Спичка закрыл за ними и дверь, и засов. Катя невольно сглотнула: пути назад не было.

Внизу густо пахло сыростью, пылью, ржавчиной и старыми трубами. Кате показалось, что они блуждали по тускло освещенным, абсолютно похожим друг на друга подземным коридорам по какому-то бесконечному кругу. Повороты, развилки, серые бетонные блоки, опутанные проводами... Сама она ни за что не нашла бы дорогу назад в этом безумном лабиринте.

Наконец впереди показался четкий желтый квадрат света, падающий из дверного проема одной из дальних каморок прямо на грязный бетонный пол коридора. Мелкий уверенно шагнул внутрь, и Катя последовала за ним.

Каморка была небольшой, душной и насквозь прокуренной. В дальнем углу громоздился то ли старый колченогий столик, то ли просто перевернутая деревянная коробка, на которой высилась переполненная жестяная пепельница. Вокруг неё, не поместившись, сиротливо валялись серые окурки. Прямо на голых бетонных стенах в качестве декора висели помятые, грязные номерные автомобильные знаки. Под ними, вплотную к стене, стоял чудом не развалившийся диван. Понять, какого цвета была его обивка в лучшие времена, теперь не представлялось возможным. Зато было сразу понятно, что пружины этого мебельного ветерана давно ушли на пенсию: двое парней, сидевших на нем, буквально утопали в том, что когда-то называлось диванной подушкой.

Одного из них Катя узнала сразу. Это был Саша — её сосед из третьего подъезда, парень года на три старше неё. В обычной жизни они пересекались редко. В основном Саша обращал внимание на Катю и её дворовую мелюзгу только тогда, когда те занимались чем-нибудь, по его авторитетному мнению, не очень полезным, и нещадно их строил. Катя до сих пор помнила, как он сурово, не стесняясь в выражениях, выговаривал мальчишкам, когда те привязывали нитки к лапкам майских жуков, чтобы пускать их на привязи, словно живые вертолетики. Или как досталось самой Кате, когда она ради забавы не выпускала из рук отчаянно оравшего, испуганного бродячего котенка. Саша тогда попросту отобрал у неё животное и строго велел «не мучить скотину».

Его товарища Катя видела впервые. Это был парень примерно Сашинаго возраста, с грубоватым лицом, обильно усыпанным шрамами от уже давно исчезнувших подростковых прыщей, полными губами и носом картошкой. Внешне он казался совершенно непривлекательным, если бы не глаза — пронизательные, темные, смотрящие в этот момент на вошедшую девчонку с живейшим интересом.

Катя замерла у порога. Внутри всё сжалось от внезапной догадки. Мальчишки во дворе буквально засыпали её байками про таинственного, опасного и непререкаемого лидера местной шпаны по кличке «Сиплый». И как только незнакомец заговорил, по одному его хриловатому, прокуренному голосу она поняла: не ошиблась.

— Ну, чё у вас? — спросил Сиплый с дивана, глядя исключительно на Мелкого и Спичку и демонстративно игнорируя девчонку.

Мелкий, как обычно — захлебываясь словами и помогая себе размашистыми жестами — принялся вкратце докладывать о вчерашнем матче. Он вздохнул, сбиваясь от восторга, рассказывал про триумфальную победу «Львов», про то, как арена ходила ходуном и как они без билетов прорывались на трибуны. Сиплый и Саша слушали его молча, не перебивая, словно заранее знали: если Мелкого прервать, он окончательно потеряет нить рассказа.

Так оно и вышло. Мелкий наконец выдохся, замолчал, и в душной каморке повисла тишина.

— А с вами кто был? — коротко спросил Сиплый, затягиваясь сигаретой.

Мелкий быстро перечислил вчерашнюю компанию по кличкам: Громила, Кеша... — и в конце, резко ткнув пальцем в сторону замершей у входа Кати, добавил:

— И вот.

Снова повисла тяжелая, осязаемая пауза. Саша вдруг мягко улыбнулся и чуть кивнул девчонке:

— Привет, Кать.

Кате ничего не оставалось, кроме как смущенно сжать кулаки и тихо буркнуть «привет» в ответ. Сашин товарищ вопросительно изогнул бровь, и Саша, словно поясняя присутствие посторонней девчонки в святой святых их конторы, коротко обронил другу:

— Соседка моя. По подъезду.

Тогда Сиплый вдруг широко ухмыльнулся, с размаху хлопнул обеими ладонями по собственным коленям и преувеличенно торжественно, с хриплым уличным пафосом произнес:

— Ну, раз так... твоя соседка — моя соседка!

По дороге домой Катя догадалась: по пути «туда» её намеренно водили кругами. Это был обычный уличный ритуал, чтобы чужак не запомнил дорогу в тайную «контору». Но теперь, когда она была признана своей, возиться с маскировкой уже не имело смысла — обратно они вышли всего за один поворот. И эта хитрая логика показалась ей удивительно забавной.

Прошел ещё один день после того памятного хоккейного матча. Из ярко освещенной, ревущей арены ледового поля жизнь окончательно переместилась в привычные, приземленные декорации.

Звонок в дверь раздался строго по расписанию — сразу после ужина. Дверь пошел открывать отец. Катя, замершая на кухне, отчетливо слышала из прихожей знакомое, робкое: «А Катя дома?». Родителям не нужно было долго догадываться, кто именно «свёл» их дочь на хоккей среди недели, и память о её ночном побеге была в квартире ещё слишком жива. Отец нахмурился, но всё же повернулся и коротко кивнул дочери, разрешая выйти.

Катя действовала как будто нарочито медленно. Чтобы завершить свой домашний образ и показать, что никуда дальше площадки она не собирается, она демонстративно медленно всунула ноги в огромные, широкие отцовские тапки — безмолвный знак того, что в таком виде из-под подъезда не сбежишь. Накинув куртку прямо на лямки своего неизменного джинсового комбинезона, она шмыгнула за порог, в прохладу лестничной клетки.

— Ну, чё, как сама? — Спичка привычно прислонился спиной к холодной стене, глядя на Катю сверху вниз со своей неизменной ленивой усмешкой.

Катя неопределенно пожала плечами, стараясь не вдаваться в подробности того, что дома пока так и не установилось прежнего мира, а родители всё ещё глухо сердились. Обида на их строгие ультиматумы всё еще жгла изнутри.

— Врать просто больше не хочется, — тихо посетовала Катя, привалившись к перилам.

— Забей, — Громила откровенно маялся от скуки. По своему обыкновению он выудил из кармана коробок спичек и начал лениво вертеть его в руках. Чиркнув головкой о черкаш, он ловко подбросил горящую спичку вверх. Та, долетев до побеленного свода потолка, прилипла к нему и задымилась, оставив уродливый угольный след. Не дожидаясь ответа, Гром чиркнул следующей. За первой полетела вторая, третья...

— Гром, хорош! — Катя резко выпрямилась, её звонкий голос эхом разлетелся по лестничному пролету. — Ты чего творишь? Здесь мой дом, а не помойка! Ты думаешь, мне приятно потом оттирать эти следы? Не хватало еще, чтоб соседи мне предъявляли за твой «декор».

Громила промолчал, лишь недовольно хмыкнул, но спички швырять перестал. Катя почувствовала: момент настал. Она отчетливо понимала, что если не обозначить жесткие границы прямо сейчас, потом будет поздно. Тем более, что с соседями по подъезду у её семьи действительно были очень дружеские, уважительные отношения, и портить их из-за пацанской дурости не хотелось совершенно. Соседям и так, наверное, не очень-то нравились странные, подозрительные пацаны, проводящие вечера перед её дверью.

— И чтоб больше никаких бычков на ступеньках и плевков, — жестко отрезала она, заставляя Громилу окончательно спрятать коробок. — Не нравится — вон дверь, вон на хрен. Мне это всё потом убирать за вами.

Пацаны удивленно переглянулись. Мелкий недовольно буркнул под нос: «Ого, какая культурная нашлась!», но Спичка, который до этого молча наблюдал за её яростной вспышкой, вдруг коротко кивнул своим:

— Можно и на улицу выйти, не замёрзнете.

Напряжение немного спало. Катя повернулась к притихшему Кеше и добавила уже чуть мягче, глядя ему прямо в глаза:

— И еще... Постарайтесь при мне без мата. Там за дверью родители. Они же у меня интеллигентные, им слышно всё. Мне потом краснеть за вас не хочется.

— Ладно, малая, мы ж не просто так пришли, — ухмыльнулся Спичка, явно впечатленный её неожиданным, жестким напором.

Воздух между ними окончательно разрядился. Мелкий, порывшись в глубоких карманах своей куртки, выудил два ярких кругляша на пластиковых палочках. Он протянул их Кате — это был их общий жест уважения, негласное признание того, что они знали и ценили, чего ей стоило пойти на такой риск и послушаться строгих родителей ради их хоккейной вылазки.

— Держи, не заочковала, — буркнул он, пряча взгляд.

Катя уставилась на конфеты. Два дня назад у них на билеты денег не было, а тут — «Чупа-чупсы»? В коммерческих ларьках они стоили по уличным меркам недешево.

— Не возьму, — отрезала она, чувствуя, как внутри всё сжимается от внезапной, колючей догадки. — Сами ешьте. Мне ворованного не надо.

— Да брось ты, бери! — Мелкий начал настойчиво совать леденцы в нагрудный карман её джинсового комбинезона. — Чё нам теперь, самим их сосать? Раз решили, значит — твои!

Катя уверенно отвела его настойчивую руку, вопросительно посмотрела на Кешу — тот сразу отвёл взгляд в сторону. Она повернулась к Спичке, глядя прямо под козырек его кепки:

— Ну, украли же, да? Говори как есть.

— Бери давай, зуб даю, что не крали.

Спичка ответил твердо. И как по сигналу Мелкий молниеносно протянул руку к нагрудному карману её комбинезона и всё-таки вложил в него леденец. Катя, для улучшения собственной обороны от неожиданных гостей, поспешно присела на корточки, скрестив руки на груди. Но Мелкий не сдавался, у него в руке оставалась ещё одна конфета, а сама рука настойчиво тянулась к её карману...

В этот самый момент тяжелая деревянная дверь квартиры с резким скрежетом распахнулась.

Отец стоял на пороге. Привлеченный звуками непонятной суматохи и возни за дверью, он заслонил собой яркий, теплый свет из прихожей. Его взгляд, внимательный, тяжелый и холодный, прошелся по онемевшей компании, на секунду задержался на сидящей на корточках дочери и намертво остановился на руке Мелкого, которая всё еще тянулась к её нагрудному карману. Мир вокруг на мгновение оглох и замер. Никто не сдвинулся с места.

— Домой, — процедил отец сквозь сжатые зубы. Одно короткое слово, но в нем было столько свинцовой стали, что возражать не рискнул бы никто. Даже дерзкий Спичка мгновенно напрягся, понимая, что здесь лучше не лезть на рожон и уличные понятия не сработают.

Катя молча встала, едва не вывалившись из огромных отцовских тапок, и шагнула за порог. Она кожей чувствовала растерянные, ошарашенные взгляды парней на своей спине, но так и не обернулась. Дверь захлопнулась с пугающим, глухим и окончательным звуком.

Из кухни тут же испуганно выглянула мама, тревожно глядя на мужа:

— Что случилось? Вова, кто это?

Отец бросил лишь короткое, полное глухой, давящей горечи:

— Да лапали её там, где хотели.

Катю мгновенно обдало удушливым, обжигающим жаром. Стыд был таким острым, физическим, что на секунду перехватило дыхание, а следом горячей волной пришла глухая, несправедливая обида. Она не могла оправдаться — ведь любое объяснение про «ворованные чупа-чупсы» и пацанскую благодарность прозвучало бы в ушах строгих родителей еще хуже, опаснее и нелепее, чем та страшная картина, которую они только что нарисовали себе сами.

Она молча ушла в свою комнату и плотно закрыла дверь. Рука сама беспомощно скользнула в нагрудный карман комбинезона, где пальцы нащупали жесткие шуршащие обертки. Она достала леденцы: на одном красовалась яркая надпись «cherry», а второй, в желто-голубой обертке, она узнала сразу — её любимый «кофе с молоком». Возможно, Списа не соврал, ведь конфета была выбрана специально, нарочно. Над этим её странным предпочтением посмеивались все во дворе, кто не знал Катю близко, но Спичка запомнил её случайные слова по дороге на матч. Это был подарок от души. А вот второй леденец, вишневый, скорее всего, действительно был захвачен Мелким наобум, «за компанию», пока продавщица киоска отсчитывала мелочь. Мелкий просто не удержался от пацанского азарта.

Но ни в этот, ни в какой-либо другой вечер конфеты так и не были ею распакованы. Обида и гордость не позволили бы ей их съесть.

Чуть позже, когда в квартире окончательно притихли тяжелые родительские вздохи, Катя тихонько под села на кровать к младшему брату. Восемилетний Миша уже был до подбородка укутан одеялом. Под напором родительских расспросов он проявил удивительную твердость и ни словом не обмолвился о её побеге.

Катя молча положила леденцы на его кровать. Брат удивленно вскинул на неё глаза.

— На, вот, заслужил ведь, — негромко шепнула она, глядя на его серьезную мордашку. Младший брат понимающе кивнул, принимая эту нехитрую уличную плату за свое верное молчание.

Глава 5

Глава 5: Адвокат дьявола (зима 2001-го)

Зима 2001-го выдалась затяжной, темной и морозной. В такие дни областной город Р***** казался выцветшим, словно старый фотоснимок: серые панельные дома сливались с нависшим свинцовым небом, а редкие фонари пробивали вечернюю мглу тусклым, желтушным светом. Огромный мир летнего двора с его бесконечными границами, каштановыми аллеями и пыльным футбольным полем сжался до размеров крошечной родительской кухни.

Кухня была стандартной для построек той эпохи — всего шесть квадратных метров на семью из четырех человек. Когда они собирались за ужином, свободного пространства не оставалось вовсе: встать и выйти из-за стола не получалось просто потому, что прохода не было. Но даже в этой тесноте нашлось место для старого черно-белого телевизора, водруженного на холодильник. Он был неизменным центром их семейного быта. Телевизор работал фоном за ужином, перекрывая привычный звон вилок о тарелки во время разговоров о контрольных или с самого утра по выходным, когда по центральному каналу крутили «Семейку Аддамс».

В тот вечер на столе исходила паром гора помятого со сливочным маслом картофельного пюре, а рядом, на общем блюде, лежали зажаренные до хрустящей корочки «окорочка Буша» — главный кулинарный шедевр той эпохи. По местному каналу шел выпуск вечерних новостей. Привычный гул за столом стих мгновенно, стоило диктору с деревянным лицом произнести знакомый адрес. Это было совсем рядом. Во дворе дома напротив, в двух шагах от их привычного маршрута в магазин, минувшей ночью насмерть забили мужчину.

Сухая, равнодушная криминальная хроника рисовала страшную, противоестественную в своей простоте картину: пьяный случайный прохожий, четверо подростков, которых заметили из окон соседи, отсутствие какого-либо оружия. Кошелек и документы нашли на месте — у погибшего ничего не украли. Мужчину просто забили ногами. Тяжелыми зимними ботинками, методично и хладнокровно, прямо на асфальте тротуара ради забавы.

Катя опустила глаза в тарелку, смутно чувствуя, что эта новость каким-то неясным образом её касается. Миша замер: происходящее в телевизоре его скорее заинтриговало, чем испугало, и он смотрел на экран широко распахнутыми глазами, забыв жевать. Мама лишь раз покачала головой: «Совсем с ума сошли...». И только взгляд отца, Владимира Николаевича, стал острее. Его кустистые брови сошлись к переносице. Смотрел он прямо на дочь.

В памяти Кати всплыл силуэт того самого дома, о котором шла речь в выпуске, а вместе с ним — липкий страх из глубокого детства. Ей тогда было восемь лет. То лето казалось бесконечным, наполненным солнцем, запахом разогретого асфальта и жасмина. Именно тогда родители сделали ей царский подарок — новенький, пахнущий заводской смазкой и свежей краской велосипед-раскладушку. Первые вечера отец неотлучно проводил вместе с ней во дворе: бежал рядом, тяжело дыша, и крепко держал кожаное сиденье одной рукой. А однажды он просто отпустил её, не предупредив. Катя ехала сама, беспечно крутя педали и будучи уверена, что надежная отцовская рука всё так же держит её.

Но в тот день она уже выходила кататься одна. Далеко отъезжать от дома ей не позволяли, да она и не рвалась — чувствовала себя неуверенно. Поэтому она прилежно нарезала одинаковые круги вокруг собственного дома.

Прямо за их пятиэтажкой располагался незнакомый соседний двор. Незнакомым он был потому, что туда местная детвора не ходила. Даже если нужно было попасть на противоположную сторону квартала, пацаны всегда предпочитали обходить этот участок снаружи, по длинной пыльной тропинке вдоль проезжей части. Без видимых причин и взрослых объяснений. Тот глухой угол состоял из трёх угрюмых построек: двух пятиэтажек и громоздкой серой девятиэтажки, замыкавшей мрачный периметр.

Катя неуверенно рулила по узкой пешеходной дорожке. Старый асфальт здесь давно пришел в негодность: он был испещрен глубокими трещинами и вздыбился уродливыми буграми от корней старых тополей, поэтому ехала она медленно, сосредоточившись на равновесии. Внезапно впереди вырос незнакомый мальчишка. С обеих сторон от него тянулись густые, запыленные кусты — свернуть было некуда. Катя резко нажала на педали назад и вовремя прыгнула с теряющего устойчивость велосипеда.

— Дай прокатиться, — бросил он, даже не глядя на неё.

Мальчишка Кате не понравился сразу. Голос у него был хриплым, нахальным, он не просил разрешения — он жестко настаивал на своем, заявляя права на чужую вещь. Сам он был небольшого роста, со светлыми растрепанными волосами и раскосыми голубыми глазами, которые смотрели враждебно и нагло.

— Мне родители не разрешают, — тихо, но постаравшись придать голосу твердости, ответила Катя.

И она не вралась. Родителям действительно не нравилось, когда на новом велосипеде дочери проносились дворовые мальчишки, но те хотя бы были своими, предсказуемыми пацанами из родных подъездов.

— Я только один круг, — продолжал настаивать незнакомец.

Его грязные пальцы с обкусанными ногтями намертво вцепились в хромированный руль. Катя растерянно огляделась по сторонам, и сердце болезненно сжалось. Вокруг — ни души. Её друзья остались на футбольном поле в глубине родного двора, где идет разгар важного матча. Взрослых на этой стороне дома тоже не наблюдалось. Выхода не оставалось, физическая сила была не на её стороне, и Кате пришлось отступить. Хулиган вскочил на велосипед, с силой нажал на педали и, приподняв переднее колесо, умчался по дорожке, скрывшись за углом.

Она осталась стоять на месте, сиротливо переминаясь с ноги на ногу в пыли. Беспокойство немного отступило, когда спустя бесконечно долгую минуту велосипед снова показался из-за противоположного угла. Катя вздохнула с облегчением, но рано: вместо того чтобы повернуть к ней навстречу и вернуть вещь, светловолосый мальчишка резко проехал по прямой — вглубь двора тех самых чужих пятиэтажек.

Катя всё прекрасно поняла, но упрямо продолжала стоять у кустов, отчаянно надеясь, что гадкий пацан просто решил так зло пошутить и велик вот-вот появится. Время шло, надежда таяла, превращаясь в тяжелый ком в горле. Когда на глаза начали наворачиваться горячие, злые слезы обиды, Катя развернулась и бросилась домой бегом.

Едва она завернула за угол своего дома, навстречу ей подлетели встревоженные друзья с расспросами. Но она сквозь подступающие рыдания толком не могла ничего объяснить — она ведь впервые в жизни видела этого хулигана. Домой она уже не шла, а ввалилась в прихожую, рыдая навзрыд и размазывая слезы по лицу. Родителям стоило немалых усилий понять из бессвязного лепета, что произошло. Владимир Николаевич молча обулся и вышел вместе с дочерью во двор.

Каково же было их общее удивление, когда они вышли из подъезда: новенькая раскладушка мирно стояла на своем привычном месте, прислоненная к железному столбику под козырьком крыльца. Сокровище вернулось к хозяйке в целости и сохранности.

Но у восьмилетней Кати остались вопросы. Если бы противный раскосый мальчишка сам решил вернуть велик, он бы не смог этого сделать — он ведь не знал, из какого она подъезда. Катя пришла к единственному логическому выводу: кто-то встретил хулигана на улице, опознал велосипед и заставил пригнать его обратно. И подозрение её сразу пало на Сашу из соседнего подъезда и его старшую компанию.

Зато она на всю жизнь запомнила, почему лицо того парня намертво врезалось в память. Она ещё никогда в жизни не чувствовала себя такой беспомощной и уязвимой, как в те секунды, когда против собственной воли отдавала незнакомцу руль.

После этого случая она видела его ещё несколько раз. Он иногда лениво проходил через их двор транзитом, засунув руки в карманы. Катя замечала, что её пацаны знают этого парня и нехотя кивают ему, но сама всегда инстинктивно его избегала. От мальчишек она позже и узнала, что зовут его Витя Ушатов, а на улице кличут просто — Ушат.

Как-то раз Ушат вместе с парочкой сомнительных приятелей подошел к их турникам и развязно попросился сыграть в футбол. Но Макс и Антон коротко ему отказали, не оставив возможности даже возразить. В ее родном дворе ему были не рады. Про Ушата что-то знали.

И вот теперь, спустя годы, сидя на тесной зимней кухне и слушая сухую криминальную хронику по телевизору, Катя была готова поклясться: эта страшная ночная расправа на пустыре — дело рук «соседских» и, если не лично Ушата, то его стаи. Но никак не Спички, не Кеши и уж тем более не Саши из третьего подъезда, который когда-то сурово выговаривал мелюзге за неоправданную жестокость.

После ужина, когда пришла очередь Кати мыть гору грязной посуды, отец не ушел в комнату. Он остался на кухне, оперевшись на подоконник, чиркнул спичкой и закурил, выпуская сизый дым прямо в приоткрытую форточку, откуда сразу потянуло резким морозным воздухом.

Разговор начался без предисловий, прямо с той самой новости. Владимир Николаевич говорил глухо, и в его интонациях Катя слышала не просто злость, а брезгливое возмущение тем, как эти дворовые «шакалы» совсем потеряли совесть и человеческий облик. Он вспоминал свою молодость, где на окраинах тоже хватало банд, но даже у тех оставалась какая-то базовая уличная совесть, неписанные законы: толпой на одного не нападать, лежачего не трогать, а уж забить ногами до смерти...

— ...как твои, — стоя вполоборота небрежно бросил отец, и это короткое слово больно её кольнуло.

Ответ вырвался сам собой, звонкий, отчаянный: её знакомые никогда не били лежачих! У них были свои правила, своя уличная честь, и перед любой дракой они выверяли силы — дрались честно, но не до беспамятства.

— Так ты их защищаешь?! — отец возмущённо повернулся к Кате. Его вопрос мгновенно заполнил тесную шестиметровую кухню. — Они живого человека ногами до смерти забили, Катя! Просто так, в темной подворотне, ради забавы!

— Да не защищаю я тех, кто бил! — Катя почти мертвой хваткой вцепилась в мокрый скользкий фарфор, словно не держала, а держалась за тарелку. — Просто они разные! Нельзя всех под одну гребенку ровнять!

— Твои «друзья» — точно такие же, — отрезал Владимир Николаевич с беспощадной взрослой уверенностью. — Если они ещё никого не убили, то это лишь вопрос времени.

— Это не вопрос времени, — отрезала Катя, расправляя плечи и чувствуя, как внутри закипает отчаянная решимость. — Это вопрос выбора.

— И что же они выбрали, по-твоему? — отец с тяжелым стуком опустил ладонь на подоконник с потрескавшейся краской. — Стать благородными разбойниками? Робин Гудами из подворотни? Это они тебе сами сказали? Романтики тюремной наслушалась?

— А выбора у них пока и не было. Что они видели, кроме этого двора? С волками жить — по-волчьи выть. И ничего они мне про благородство не рассказывали. — Катя почти выкрикнула это ему в лицо, но тут же заставила себя сбавить тон, упрямо сжав зубы. — Мне до этого какой интерес?

— Волки? Да они не волки, а шакалы. На них только стоит прикрикнуть, они смелость растеряют. Знаю я таких, они смелые только когда их много, — брезгливо выдохнул Владимир Николаевич.

Катя глубоко перевела дух. Никто никогда не озвучивал перед ней никаких правил. Но она умела слушать. Всякий раз, когда пацаны собирались вечером на лавке у подъезда и взахлеб рассказывали о районных стычках, она тихо сидела в стороне, подмечая каждую деталь.

— Пап, я знаю, как они дерутся, потому что слышала, как они об этом говорят между собой! Когда они со смехом рассказывали, что в драке кому-то пришлось постоять в сторонке, я понимала: лишние люди не имеют права вмешиваться в драку, если силы равны. Когда они описывали, как кто-то выбывал из драки, просто упав на землю, я догадывалась, что бить лежащих запрещено.

Она сжала кулаки, чувствуя, как внутри — вопреки здравому смыслу и отцовским доводам — крепнет отчаянная вера в эту изломанную уличную честь.

— Просто ты ещё дурочка и в сказки веришь, — затушив сигарету в пепельнице, вздохнул отец.

Разговор мог продолжаться долго — подобные споры были не редкостью, отец часто поднимал острые темы. Но в этот момент в тесную кухню вошла мама, как генерал в ночнушке.

— Спать идите оба, двенадцать часов ночи уже, упёрлись как два барана, — сухо обрвала она дискуссию.

С мамой в такие моменты не спорил никто. Отец молча затушил окурок и закрыл форточку.

Катя ушла в темную комнату, которую делила с братом. Миша уже лежал в постели и до последнего прислушивался к доносившимся с кухни голосам. Катя легла на кровать, натянув одеяло до подбородка, но тяжелая фраза отца — «вопрос времени» — продолжала гулко звенеть в ушах. Она упрямо отказывалась в неё верить. Хотя в самой глубине души первые семена сомнений уже были брошены.

Раскосое лицо Вити Ушатова из далекого детства, темный зев подвала Сашиной «конторы» и недавний суетливый жест Мелкого, настойчиво сующего ворованный леденец в нагрудный карман её комбинезона, путались и наслаивались друг на друга в полусне.

Она закрыла глаза, засыпая с тяжелой мыслью: адвокатом чьего дьявола она на самом деле так отчаянно пытается выступить перед отцом и перед самой собой?

Глава 6

Январь 2002 года заявлял о себе сухим, звенящим морозом. В этот вечер компания притопала к Ледовому задолго до начала, когда массивные двери дворца из стекла и пластика были еще заперты. Пацаны привычно оккупировали широкое крыльцо. На Катю, кутавшуюся в куртку, никто особо не обращал внимания — она отвечала взаимностью, всё её существо было сосредоточено на предвкушении предстоящей игры, внутри уже ворочался знакомый азарт.

Вокруг бурлила предматчевая суета. К их компании то и дело подходили то сверстники из соседних микрорайонов, то парни постарше. Спичка, Гром, Мелкий и Кеша по очереди протягивали руки, обменивались короткими, крепкими рукопожатиями и скупыми кивками. В этом не было ничего подозрительного: за пару месяцев на трибунах завсегда и игр успели перепознакомиться и узнавали друг друга издали. Обычные фанатские приветствия, ничего лишнего.

Когда изнутри наконец донесся лёгкий щелчок и толпа начала затекать внутрь, Мелкий, дернув плечом, негромко бросил Спичке:

— Все?

Спичка, лениво перекатив в уголке рта неизменную щепку, прошелся взглядом по толпе:

— Гуся не хватает. Может, еще подтянутся.

Для Кати эта фраза прозвучала пустым звуком. Никаких «гусей» в её дворовой вселенной не водилось, знакомиться с ними она не собиралась, да и какая разница, кто там опаздывает, когда внутри фойе уже пахло предвкушением большого хоккея?

В этот раз им всем пришлось выстоять в очереди за билетами — риск не увидеть важный матч был слишком высок. Заняли свои законные места в самом низу, у самой пластиковой арены, где каждый удар шайбы о борт отзывался в ушах. Все пятеро замерли, ожидая стартового свистка.

Всё шло как всегда. Под оглушительный рев трибун на слепящий белый лед выкатились команды, поддерживаемые фанатами. Но в момент, когда на льду появилась команда гостей, Катя почувствовала, что привычный ритм ломается. В этот раз приезжих поддерживали как-то особенно, неестественно громко для чужого стадиона. Катя удивленно закрутила головой, выискивая оппонентов по кричалкам на трибунах. И почти сразу нашла.

Один из центральных секторов, обычно сонный и разномастный, сегодня был плотно окрашен в чужие, бело-красные цвета. Гости сидели единым, агрессивным монолитом.

— Слышь, Спич, — Катя толкнула друга в плечо, перекрикивая гул. — Откуда их столько понаехало-то?

— Так это фанаты РТЗ, — буркнул Спичка, не отрывая глаз от раската по льду. — Они в прошлом году чемпионами были.

Был самый разгар сезона, и у «Львов» в этом году была серьезная, дерзкая заявка на золото. Катя понимающе кивнула. Вот зачем эти красно-белые притащились вслед за своей командой через полстраны — караулить титул, поддерживать своих. Администрация дворца предусмотрительно выделила приезжим отдельный сектор, чтобы цвета, шарфы и фанатские предпочтения ни в коем случае не перемешивались на общих трибунах и не провоцировали нарушение порядка.

Гостей было в разы меньше, чем заполненный до отказа стадион «Львов», но вели они себя отчаянно, нагло и слаженно. Временами, ловя секундные паузы местных болельщиков, у этой красно-белой сотни умудрялось получаться невероятное — они начисто перекрикивали огромный зал хозяев. Напряжение на льду передавалось на трибуны, и воздух в Ледовом постепенно начинал искрить.

Игра выдалась азартной и напряженной. Это было в сто раз захватывающее, чем любые матчи какого-нибудь высшего уровня, которые Катя иногда смотрела по телевизору. Там, на стеклянном экране, всё казалось плоским и далеким, а здесь хоккей дышал Кате прямо в лицо морозным паром, звенел ударами клюшек и оглушал.

К концу первого периода у нее уже нестерпимо саднило горло от крика. К концу второго — от бесконечного, монотонного рева фан-сектора она почти оглохла, но на такие мелочи никто не обращал внимания. Весь стадион жил как один огромный, пульсирующий организм. Преимущество переходило от одной команды к другой с пугающей быстротой: стоило «Львам» перехватить шайбу и зажать соперника у бортов, как трибуны взрывались победным кличем, но уже через минуту красно-белый сектор гостей заходил в яростном экстазе, празднуя ответный гол.

Основное время текло минута за минутой, но выявить сильнейшего так и не удалось. Третий период закончился жесткой, изматывающей ничьей.

Когда объявили овертайм, огромные трибуны Ледового вдруг резко притихли. Шум, до этого висевший под сводами плотным куполом, опал. Тысячи людей сидели затаив дыхание, полностью поглощенные тем, что сейчас разворачивалось на ледовой коробке. Теперь цена любой, даже самой мелкой ошибки была критической — игра шла до первой заброшенной шайбы. До «внезапной смерти».

Уставшие хоккеисты выгрызали каждый сантиметр льда. Катя вцепилась пальцами в холодный пластиковый бортик, почти не моргая. Вот наш защитник перехватывает шайбу у синей линии, отдает пас на ход нападающему... Тот на огромной скорости режет угол, обходит защитника РТЗ, бросок! Шайба, казалось, уже нашла дорогу к воротам гостей — весь сектор Кати инстинктивно вскинул руки в победном жесте...

Но исхода матча первый овертайм так и не изменил. В какое-то неуловимое мгновение, когда гол казался неизбежным, вратарь гостей совершил что-то сверхъестественное: в падении выбросил щиток, и шайба, чиркнув по краю ловушки, со звоном отлетела в сторону. Трибуны разочарованно и громко выдохнули.

Пять минут пролетели на одном дыхании, оставив табло невозмутимо гореть прежними цифрами. Судья снова свистнул — были назначены еще пять минут второго овертайма. Нервы у всех были натянуты как гитарные струны.

И вот тогда, во второй пятиминутке, «Львы» все-таки дожали чемпионов. Секундная заминка — и трибуны взорвались. Это был не просто крик, это был оглушительный, тектонический взрыв тысяч натренированных глоток. Люди вскакивали с мест, обнимались, незнакомые мужики вокруг Кати орали что-то нечленораздельное, вскидывая руки вверх. Катя прыгала вместе со всеми, окончательно срывая голос в этом безумном, искрящемся триумфе. «Львы» победили. Настроение было под стать январской погоде — морозное, победное, сияющее.

— Получается, мы выиграли? Мы — чемпионы? — хрипло спросила она у пацанов, поворачивая к ним сияющее лицо.

В её простой четырнадцатилетней логике всё выглядело кристально ясно: раз «Львы» только что уложили на лопатки действующих чемпионов страны, значит, они автоматически занимают их трон и становятся лучшими. Самыми сильными.

Мелкий снисходительно хмыкнул, а Кеша мягко улыбнулся, глядя на её округлившиеся от восторга глаза.

— Ща, аж два раза, — пробасил Громила, поправляя воротник куртки. — До чемпионства нам как до Луны раком.

Спичка, не оборачиваясь, пояснил на ходу, коротко и емко:

— Это всего лишь одна игра. Результаты по очкам в таблице считают. Сейчас у нас со вторым местом вровень, а впереди еще куча матчей.

Катя разочарованно выдохнула. Оказалось, что большой спорт устроен куда сложнее дворовых понятий, где победил — значит забрал всё. Впереди «Львов» ждал тяжелейший ответный матч на выезде, на чужой, злой арене РТЗ, и радоваться финалу было еще слишком рано.

Обычно после игр, закончившихся победой, компания надолго задерживалась на широком крыльце Ледового дворца. Пацаны любили зависнуть в самой гуще ликующей толпы, чтобы сорвать остатки голосов в победных кричалках и искупаться в этой пьянящей, бурлящей эйфории. Но не в этот раз. Несмотря на то что «Львы» сотворили настоящее чудо, пацаны вели себя странно.

Они вышли из стеклянных дверей дворца и, даже не притормозив на ступенях, быстрым, слаженным шагом направились в сторону дома. На широкой площадке перед Ледовым было непривычно тихо. Люди в сине-белых шарфах переговаривались, бурно жестикулировали и обменивались впечатлениями, но этого Кате казалось мало для того, чтобы отпраздновать такой захватывающий матч. Куда-то пропал весь привычный победный угар.

Катя завертела головой, выискивая взглядом тех самых красно-белых гостей, с сектора, который так яростно перекрикивал стадион во время игры. Но на площади перед дворцом приехавших фанатов не было вовсе — ни одного шарфа, ни одной растяжки чужого цвета. Видимо, администрация дворца предусмотрительно вывела гостей через какой-то дальний черный ход, чтобы они даже случайно не пересеклись с доведенными до предела, хмельными от победы фанатами «Львов».

Мальчишки упрямо шагали вперед, почти не разговаривая. Катя едва успевала за их размашистым шагом. Тогда она не заподозрила ничего плохого. В её голове всё объяснялось просто: из-за двух дополнительных овертаймов игра затянулась, время поджигало, и они катастрофически опаздывают домой. Мысли Кати уже привычно переключились на домашний фронт: она мысленно просчитывала, как будет проскальзывать в квартиру и что скажет строгим родителям, которые наверняка уже мерили шагами прихожую.

Компания уверенно свернула с оживленной площади на знакомый темный маршрут, ведомая молчаливым Спичкой. Путь домой лежал вдоль длинной, освещенной парковки, где там и сям были расставлены тяжелые железные скамейки. Сразу за парковкой дорожка, выложенная тротуарной плиткой, резко терялась впереди: фонарей там уже не было, и она серой лентой уходила в глухую темноту. Вся пятерка внезапно остановилась у самой последней скамейки — как раз на четкой, будто нарисованной границе светлого пятна и этой черной дорожки.

— Стой, малая, — бросил Спичка, нахмурившись и преграждая Кате дорогу. — Можешь нас здесь подождать? Мы недолго. Сиди здесь, не рыпайся.

Мелкий, нервно переминаясь с ноги на ногу и затравленно озираясь, недовольно буркнул Спичке в плечо:

— Ну и на кой мы её потащили? Знали же, что сегодня замес будет, нахрена она нам здесь?

Катя замерла. Внутри всё мгновенно перевернулось. До этого момента она часто слышала от парней байки про драки «стенка на стенку» — истории, густо приправленные пацанским хвастовством, где каждый удар становился сокрушительным, а каждый участник — героем. Эти рассказы всегда сопровождались улыбками и восторгами. Судя по тем историям, уличный махач казался ей чем-то вроде салюта на День независимости — ярким, контролируемым и весёлым зрелищем. Она принимала их за обычное дворовое бахвальство. Но сейчас, глядя на их напряженные, потемневшие лица, на то, как Гром сжимает кулаки, Катя отчетливо поняла: всё по-настоящему. Переубеждать их было бесполезно.

— Мы быстро, малая, — подбадривающе улыбнулся Кеша. Беспокойство немного отступило.

— Погнали, пацаны ждут, — грубовато поторопил Громила, переступая с ноги на ногу.

— Ладно, — кивнула она, не до конца понимая, зачем ей нужно сидеть на холодной железной лавке посреди мороза. — Куда я денусь с подводной лодки.

Мальчишки скрылись за углом, быстрым шагом направляясь обратно на площадку у входа во дворец. Они остались вдвоем: она и скамейка на выхваченном из темноты пятачке света. Гул голосов с площадки до нее не долетал, стояла полная тишина. Запоздавшие болельщики тоже больше не проходили мимо.

Прошло не больше пары минут, как знакомая кричалка: «„Львы“ сильны, „Львы“ дают, наши парни всех порвут!» разорвала нависшую тишину. Она и послужила сигналом к громогласному, дикому крику, в котором сплелись ярость, отборный мат и взаимные угрозы. Вскоре отдельные слова смолкли — остался только тяжелый, глухой шум яростной борьбы, отчетливый хруст наста под десятками ног и редкие, болезненные вскрики.

Катя съежилась, мороз и подступающий страх вызывали сильную дрожь в руках. Она отлично знала неписанные правила таких стычек: знала, что количество участников с обеих сторон должно быть строго равным, знала, что лежащих ни в коем случае не бьют. Она выучила эти дворовые законы так хорошо, что, казалось, сама могла бы участвовать в потасовке, но сейчас ей хотелось оказаться как можно дальше. Сердце колотилось где-то в самом горле. В голове пронеслась шальная мысль броситься туда, к своим, но страх оказаться лишней в опасной разборке и жесткий запрет Спички покидать укрытие держали её на месте.

Чтобы окончательно не потеряться во времени от беспокойства, она начала считать про себя. Через несколько минут, которые показались ей долгими часами, морозную тишину пронзил протяжный, нарастающий вой сирен.

— Валим, мусора! — чей-то зычный голос перекрыл шум схватки.

Площадка мгновенно ожила. Из-за угла Ледового дворца, как потеки черной краски на снегу, хлынула врассыпную толпа: одинаковые темные куртки, фанатские шарфы, перекошенные от бега и адреналина лица. Катя не думала — она инстинктивно вскочила с лавки и бросилась навстречу бегущим, отчаянно пытаясь рассмотреть в этой мешанине одинаковых людей своих пацанов.

Вдруг чья-то тяжелая, жесткая рука мертвой хваткой вцепилась в рукав ее куртки.

— Это ещё что за чудо? — над самым ухом раздался хриплый, простуженный голос.

Она испуганно обернулась и увидела перед собой серую форменную шинель.

— С хоккея иду, — еле слышно выдохнула Катя, чувствуя, как немеют губы.

— Куда?

— Домой.

— Адрес называй.

Она послушно назвала улицу. Милиционер нахмурился, крепче сжав пальцы:

— Так ты ж в обратную сторону идешь. Испугалась? Одна, что ли?

В этот момент к ним подошел напарник — мужчина постарше, с усталыми, все понимающими глазами. Он внимательно посмотрел на бледное, напуганное лицо Кати, потом на убегающую в темноту дворов толпу, за которой уже не было смысла гнаться.

— Да ладно тебе, Коль, отпусти пигалицу. Видишь — у неё от страха зуб на зуб не попадает, щас разревётся. Беги домой, мелочь, пока уши не отморозила, — махнул он рукой напарнику.

Первый милиционер помялся секунду, а затем неохотно разжал пальцы.

— Местная, значит? — он кивнул в сторону припаркованного у обочины милицейского «козлика». — Сама-то дойдешь, или подвезти?

— Да здесь... десять минут пешком. — Она представила себе собственное появление во дворе в сопровождении милиции, и ничего хорошего оно не сулило.

Катя отчаянно помотала головой, снова быстро назвав свой адрес, лишь бы убедить их в своей безопасности. Оба милиционера понимающе, едва заметно улыбнулись, и она, не огля-

дываясь, быстрым, ровным шагом пошла прочь. На площади позади нее люди уже поднимались с тротуара, отряхивая забившийся в одежду снег. У каждого на шее висел шарф — у кого-то бело-синий, у кого-то красно-белый.

Шла она не спеша, изо всех сил стараясь придать лицу как можно более спокойное выражение и выровнять сбитое дыхание. Не хватало еще, чтобы родители дома что-то заподозрили по её внешнему виду. Если они что-то узнают, не видать ей окончания сезона.

Подходя к своему родному дому, она вдруг заметила темные тени, замершие как раз на её пути. Но внутри уже ничего не дрогнуло — весь страх без остатка остался там, на залитой фонарным светом площадке перед дворцом. Подойдя ближе, Катя услышала знакомые голоса, разговаривавшие на удивление тихо. Ее шаги уловили.

— Да вот же она! Погуляла, да? — сходу нервно набросился на неё Мелкий. — Мы уже давно по хатам могли сидеть!

— Тебе же сказали не рыпаться! — зло зашипел Гром, сделав шаг навстречу.

— Хватит. Все нашлись, все живы. Домой иди, — сухо прекратил закипающую перепалку Спичка и резко повернулся к Катиной спиной. Последняя фраза предназначалась ей.

Пацаны двинулись прочь, рядом с ней задержался только Кеша.

— Мы ж думали, ты очканула и домой рванула ещё раньше нас, — почти шепотом, оправдываясь за грубость Мелкого, пояснил он на ходу. — Вот и думали, ждать тебя у подъезда или расходиться...

Позже, вспоминая детали этой суматохи, Катя поняла: весь этот громкий махач закончился настолько быстро, что пацаны просто физически не успели причинить какого-либо значительного вреда ни себе, ни своим красно-белым противникам. Потасовка едва успела разгореться, как её на корню срезал вой сирен. В милиции ведь тоже далеко не идиоты работали. Местные оперативники наверняка были проинформированы заранее и про принципиальную важность этого матча, и про массовое прибытие организованных фанатов РТЗ. Весь этот силовой резерв не мчался через полгорода — они караулили и ждали где-то совсем недалеко, в соседних дворах, готовые затушить искру в первую же секунду.

Тогда, в тот холодный январский вечер, Катя не стала ни задавать лишних вопросов, ни рассказывать про встречу с милицией. Ей было все равно, кто победил на площади перед Ледовым. Она просто хотела одного — поскорее оказаться в тепле, дома.

Глава 7

Весна 2002 года дышала в лицо сырыми сумерками, пронзительным запахом тающего снега и прелой, едва оттаявшей земли. Воскресный вечер в Ледовом дворце давно превратился для их компании в нечто среднее между светским выходом и священным, нерушимым ритуалом. Но если с пацанами со двора Катя шла туда ловить чистый, первобытный азарт, срывать голос на трибунах у самого пластикового бортика и дышать морозным паром арены, то здесь всё было принципиально иначе.

Эта компания принадлежала к совершенно другому, параллельному измерению. Саша, Вова и Вадим были теми самыми людьми, чьи фамилии заучи с придыханием зачитывали на торжественных линейках, пафосно именуя их «цветом и гордостью школы». Постоянные участники областных олимпиад, будущие медалисты, чьи фамилии заранее прочили в списки будущих студентов престижных ВУЗов. Интеллект этих парней казался Кате чем-то настолько же естественным, безусловным и легким, как их собственное дыхание.

До четырнадцати лет Катя существовала в школьных коридорах в статусе абсолютной, классической невидимки. Её не травили, не задирали, но и в упор не замечали — она была просто атрибутом классного пейзажа, серой мышкой, которая приходила в школу только для того, чтобы рисовать на полях тетрадки. Но в сентябре прошлого года всё изменилось так стремительно, будто кто-то невидимый крутанул ручку настройки резкости на объективе. Сама Катя находила этому два логичных объяснения: нового соседа по парте и официальное, с боем и слезами выбитое у мамы снятие многолетнего запрета на распущенные волосы.

До этого переломного момента Катины волосы были главным семейным проектом, гордостью и эксклюзивной собственностью её мамы. Катя несчётное количество раз устраивала кухонные бунты, умоляя, требуя и рыдая, лишь бы ей позволили состричь эту осточертевшую, тяжёлую массу под модное каре. Но мама оставалась глуха к подростковым драмам. Каждое утро начиналось с безжалостной экзекуции: мама ловко и беспощадно перехватывала пряди и туго, до звона в ушах и натянутых век, затягивала их в безупречную косу. Железный аргумент против каре был один, и он казался маме монументальным: длинные волосы путаются, а коса — это аккуратно.

И вот, в четырнадцать лет, Кате наконец-то формально разрешили делать со своей головой всё, что вздумается. Стричься она назло не стала, но коса была немедленно, в тот же день, распущена. И тут выяснилось то, чего Катя сама от себя не ожидала: многолетними мамиными заботами её волосы превратились в густую, блестящую, тяжёлую шелковую гриву, которая при каждом шаге жила своей собственной, завораживающей жизнью. Именно тогда на неё впервые начали удивленно оборачиваться в школьных коридорах.

Вторая причина — сосед по парте — материализовалась благодаря традиционной сентябрьской перетасовке. В начале каждого учебного года классная руководительница превращалась в гроссмейстера, пытающегося максимально эффективно рассадить эту неуправляемую тридцатиголовую ораву подростков. Стратегия была обкатана годами: безнадёжного троечника сажали подтягивать хвосты к отличнику, двух шумных закадычных друзей раскидывали по разным углам кабинета, чтобы не срывали уроки своими смешками. Катю, как существо тихое и незаметное, волей-неволей определили на самую почетную первую парту — прямо под суровое око педагога, чтобы уж точно не отвлекалась от темы. А в напарники ей выделили одноклассника, чьи успехи по всем предметам были на три головы выше ее собственных. Кабинетные стратеги рассчитывали на идеальный тандем тишины и академической продуктивности.

Как же жестоко и наивно ошибались учителя...

Этот парень мгновенно, за какие-то пару недель, стал для Кати другом неразлейвода. Уже к концу сентября они превратились в настоящих Тома Сойера и Гекльберри Финна в

юбке: даже на переменах они таскались из аудитории в аудиторию исключительно вместе, собирая недоуменные и подозрительные взгляды учителей. Звали его Артём. Это был на редкость харизматичный, живой, фонтанирующий энергией и наглый молодой человек, которому в школе прощалось буквально всё. Он мог вернуть саркастический, острый комментарий прямо посреди монолога учительницы физики, но делал это с таким артистизмом и обаянием, что вместо выговора и дневника на стол вызывал у педагогов лишь снисходительные улыбки. Артём был абсолютным любимцем — сначала у администрации и учителей, а следом и у всей школы, от параллельных классов до глубокого младшего звена.

Именно через него Катя, доселе не вылезавшая из своего класса, начала стремительно обрывать новыми знакомствами. Он буквально за руку втягивал её в новые компании, знакомил с парнями и девочками из параллели, с ребятами постарше и помладше. И в конце концов именно Артём торжественно представил её своей главной компании «ботанов», состоящей из Саши и Вовы.

Правда, само слово «ботан» к этим парням подходило меньше всего. В Катином представлении отличники должны были быть щуплыми, бледными, сутулыми, с вечно шмыгающими носами и толстенными линзами в роговой оправе. Но Саша и Вова ломали этот стереотип на корню. Это была пара очень крепких, широких в плечах, рослых молодых людей, каждый из которых уже уверенно подбирался к отметке метр восемьдесят. В школьных коридорах, будучи постоянно окружённой тремя этими внушительными, надежными «шкафами» (включая неизменного Артёма), Катя чувствовала себя как кошка в картонной коробке — чуть притесненной, но жутко довольной.

Эта живописная сцена однажды знатно повеселила одну из учительниц. Стоя у дверей кабинета и наблюдая, как троица главных интеллектуалов школы в очередной раз конвоирует Катю на перемене, она иронично прищурилась и громко, на весь коридор спросила:

— А чего это вы, парни, к Мельниковой дорожку протоптали?

Саша, которого за язык никогда тянуть не приходилось, отреагировал мгновенно, словно ждал этого вопроса. Он обернулся и с самой своей харизматичной, обезоруживающей улыбкой чеширского кота выдал:

— Да там уже не дорожка, Ольга Ивановна, а целая асфальтированная магистраль!

Вокруг хмыкнули, учительница понимающе качнула головой, а Катя тогда так толком и не поняла — стоило ли ей обижаться на двоякий, слишком прозрачный смысл этой шутки или нет. С одной стороны, это было признанием её безоговорочного статуса в рядах этой фееричной компании, а с другой... в девичьих ушах слово «магистраль» отзывалось лёгким, двусмысленным уколom. Впрочем, она доверяла им, зная, что никому из них и в голову не пришло бы её обидеть.

Они подружились поразительно быстро. Уже при второй встрече легко договорились идти вместе на массовое катание в Ледовый дворец в ближайшее воскресенье. Эта спонтанная вылазка мгновенно, без долгих обсуждений, превратилась в нерушимую, святую еженедельную традицию. Вот только Артём в Ледовый не ходил — он проводил вечера с гитарой. Зато вместе с Сашей и Вовой туда неизменно приходил их бывший одноклассник, а ныне — учащийся престижного городского лицея, Вадим. С ним Катя познакомилась при первой же встрече вне школьных стен. Это трио — Саша, Вова и Вадим — и составляло её постоянное воскресное сопровождение.

После катания они никогда не возвращались по домам сразу. Наоборот — искали любой повод подольше зависнуть где-нибудь вместе, оккупируя скамейки в сквере, ступеньки дворца или тот самый пятачок у ларька на остановке, ведь школьные перемены были слишком короткими для того, чтобы высказать всё, что вертелось в голове. Им отчаянно не хватало этих куцых пятнадцати минут между звонками.

Каждый из них раскрывался в этих долгих разговорах по-своему, дополняя друг друга до идеального баланса. Настоящей душой компании вне школы был Саша. У него был чудесным образом подвешен язык, а ещё он обладал неотразимым, легким и искрящимся чувством юмора. С ним было невероятно легко и просто в общении, хотя временами в своих остротах и подколках он мог зайти слишком далеко, балансируя на грани бестактности с обезоруживающей улыбкой.

Вова же на его фоне казался невозмутимой скалой. Серьезный, основательный, вызвать его улыбку было задачей повышенной сложности. И сам он шутил редко, но так, что все окружающие ложились от смеха: он выдавал убойные, циничные реплики, абсолютно не меняя сосредоточенного, почти академического выражения лица, что лишь усиливало комический эффект от сказанного. Но он никогда не тратил слов зря.

Третьим в их ледовой компании был Вадим. В этом трио он безоговорочно выполнял роль «совести». Благородный до мозга костей, честный, как слеза ребенка, и неисправимо отзывчивый, словно кот Леопольд из мультфильма. Окружающие часто ловили на себе взгляд его больших, пронзительных карих глаз с невероятно длинными, почти девичьими ресницами, в которых, казалось, физически не могло зародиться ни одной плохой или коварной мысли.

Их фамилии регулярно украшали списки победителей олимпиад. Они были постоянными участниками межшкольных интеллектуальных игр вроде «Что? Где? Когда?», безвылазно торчали на факультативах и щелкали сложные задачи как орехи. На их плечи завуч по внеклассной работе с легким сердцем возлагала проведение линеек, брейн-рингов и КВН, что давало им легальное право со свистом отлынивать от самых скучных и неинтересных уроков. Пока весь класс уныло конспектировал параграфы, «опора школы» с важным видом заседала в актовом зале.

Что же привлекло тихую, незаметную троечницу в этой компании признанных интеллектуалов? Во-первых, у Кати наконец-то появились настоящие собеседники. Те мысли, которые раньше с трудом втискивались в границы родительской кухни и вырывались наружу только в отчаянных, до хрипоты, спорах с отцом, здесь оказались востребованы. Оказалось, что вокруг есть люди, с которыми можно часами, взахлеб обсуждать прочитанные книги, спорить о новой музыке, лезть в дебри мировой политики и даже вполне серьезно, по-взрослому философствовать о смысле жизни. Любая тема в их исполнении мгновенно превращалась в захватывающий, искрящийся поединок, густо пронизанный шутками. Катя едва успевала следить за ходом их мысли, и этот ментальный пинг-понг пьянил не хуже побед на хоккейных трибунах. А вот почему её саму так легко приняли в этот закрытый клуб, для Кати навсегда осталось загадкой.

До Ледового от Катиного дома было всего десять минут пешком. Когда мальчишки заходили за ней, родители даже не задавали лишних вопросов — в этих «золотых мальчиках» они души не чаяли, видя в них абсолютную гарантию того, что их дочь не попадет в беду. И даже охотно давали денег на карманные расходы, чтобы заручиться положительным влиянием на дочь.

В тот вечер, как обычно, они стояли в длинной, лениво двигающейся очереди за прокатом. На выдаче коньков работал тот самый парнишка, который исполнял и роль контролёра на пропуске на хоккейные матчи. Когда подошла очередь, он приветливо кивнул Кате, узнав её, и между ними завязался короткий, ни к чему не обязывающий разговор. Катя, не задумываясь, ответила привычным дворовым флиртом, не заметив, как в ту же секунду буквально похолодели взгляды её спутников.

Когда они уселись на скамьи вдоль гардероба — на тот самый толстый резиновый ковер, ведущий в ледовый зал — вопросы посыпались градом.

— Откуда ты его знаешь? У тебя же свои коньки, — голос Саши, обычно легкий и веселый, сейчас прозвучал на удивление жестко и натянуто.

Катя честно призналась, что познакомилась с ним на матчах. И тут плотину прорвало. Вопросы полетели, как камни из рогатки: «С кем ходила?», «Как часто?», «Ты хоть понимаешь, куда лезешь?». Саша, Вова и Вадим знали её дворовых «гопников» в лицо. При случайных встречах на районе они обменивались короткими, чисто механическими кивками, но антипатия в такие моменты была такой густой, что её, казалось, можно было резать ножом.

Во время самого катания стало не до разговоров: шумная музыка, толпа, лед, требующий концентрации. Кате показалось, что гроза миновала и мальчишки остыли. Но не тут-то было.

После катка, по традиции, они отправились к ларьку на остановке. Парни взяли по банке пива, Катя — любимые ириски «Meller». Они явно обдумали план наступления ещё на льду, пока нарезали круги. И началась «обработка». Это был плотный поток фактов, слухов, домыслов и откровенных страшилок.

Саша, чей язык был подвешен идеально, вел эту словесную атаку, временами заходя слишком далеко в своих выводах, а Вадим активно подхватывал, сгущая краски, пока Вова молча слушал.

— А ты знаешь, что Мелкий в прошлом месяце... — начинал один.

— А слышала, что Спичка один раз вообще... — подхватывал другой.

Они методично вбивали в её голову мысли о том, что все её «шакалы» стоят на учете в милиции, что это дно, что это опасно. Катя слушала их удивительно спокойно, почти не перебивая. Она уже знала все эти истории наизусть из пацанского трепка на лавках, но знала она также и то, где правда, где преувеличение, а где откровенные страшилки для первоклашек.

Она не спорила. Защищаться перед ними было всё равно что объяснять слепому от рождения разницу между оттенками серого. Она просто ждала, когда их юношеский запал иссякнет.

Наконец Саша и Вадим умолкли, ожидая от Кати испуга, оправданий или хотя бы тени сомнения. Но она смотрела на них ровным, непроницаемым взглядом. Тогда Вова, со своим вечно сосредоточенным лицом, не меняя мины, подвел жирную черту:

— Ну, пеняй на себя, Кать.

Он сказал это тихо, без угрозы, скорее с какой-то горькой, математической уверенностью человека, списывающего безнадежный долг. Катя молча развернула фантик от «Meller». После январского «замеса» с милицией, свидетелем которого она невольно стала не так давно, ее уже не так просто было испугать уличными байками. Она сделала свой выбор.